

Владимир Журавлев

Опьяненные свободой

Шаг первый

За окном ночь и дождь. Здесь часто по ночам дождь. Наверно, это удобно для огромного мегаполиса, который угадывается сквозь густую листву: промыть улицы, очистить воздух от пыли... Но вряд ли ночной дождь приятен местным бродягам. Если они здесь есть, конечно. Вопрос, для меня очень важный. Кто я, если не бродяга?

Я стою у окна в помещении, которую определил для себя как больничную палату. Те же стерильность и обезличенность. Правда, по закрытости помещение больше походит на тюрьму. Но бывают же и тюремные больницы.

Дверь за спиной с шорохом открывается — а может, откатывается или еще что делает. Я пока что не смог этого увидеть. Резкие движения мне недоступны. Я знаю, кто вошел. Сюда заходит всего один человек: здоровенный парень с самоуверенной ухмылкой, которого я определил как нянечку. Но такой нянечка горшки не выносит, у такого горшки сами вылетают. Вместе с пациентами. Так что все же — тюрьма.

— You must to be in bed! — заявляет он на

ужасном мировом языке.

У меня с мировым языком взаимная ненависть. Чтоб на нем хоть как-то говорить, мне приходится так выдвинуть — или задвинуть? — челюсть, что лицо становится похожим на лошадиное.

— Я понял, — говорю я задумчиво здоровяку. — Дверь не открывается и закрывается. Она расширяется-заращивается.

Охранник угрожающе надвигается.

— All right! — говорю я совсем не то, что хочется. — I go in bed уже.

И быстро, насколько это возможно в полуразваленном состоянии, ложусь. Что бывает за неподчинение, я уже выяснил.

Охранник еще подумал, а не треснуть ли лежащего, и ушел. Он вообще-то прав насчет постельного режима. Эта кровать — она еще меня как-то и лечит.

Но я снова у окна. Оно странное, это окно. Пропускает ночную свежесть и запахи сада — но не пропускает ветер и дождь. Я стою долго, пока не начинают дрожать от усталости ноги — стою и вглядываюсь в бессонный мегаполис за больничным садом. Мне нужна любая информация об этом месте, что-то, над чем можно подумать. Я думаю всегда — и этого у меня не отнять никакой тюрьме.

Во сне я снова увидел синее-синее небо, бескрайнюю степь, горы вдали, горячую асфальтовую ленту дороги — и двух мальчишек на ней. Мне снилось детство. Это значило, что я выздоравливаю. И меня снова тянет в неизведанные дали. Что ж, здесь те самые дали, о которых в детстве даже и не мечталось. Я — очень и очень далеко от дома, от родины и даже от Земли. Это я понимаю, даже всего лишь понаблюдав за мегаполисом сквозь листву больничного (тюремного?) сада.

Я действительно выздоравливаю. В этой странной тюрьме не то чтобы заботятся об обитателях, а... вроде как некие процедуры прописаны в уставе: больной, которому полегчало, должен гулять в саду. И меня ежедневно выгоняют гулять в больничный сад. Я хожу по тропинкам до одурения, потом прячусь где-нибудь за кустами и потихоньку разминаюсь, растягиваюсь и координируюсь. Может быть, меня не станут держать здесь всю жизнь. А к будущему лучше быть хоть как-то подготовленным — хотя бы физически, если материально не получается. Мне никто не мешает. В саду гуляют и другие больные, но они как-то общаются между собой, а меня сторонятся. Наверно, чувствуют чужака. Что ж, и на Земле было так же. Одиночество со мной всю жизнь. И я знаю, как с ним бороться. Надо просто

идти к людям. Конечно, меня так и будут сторониться. Но ведь есть же и дети.

Анико — она тоже здесь одна. Кто ее мама? Видимо, очень занятая особа, если у нее нет времени для дочери — и даже для того, чтоб нанять воспитательницу. Я эту даму иногда вижу вдалеке: высоченное хрупкое существо, диковинной красоты лицо и характерный отсутствующий взгляд ученого-теоретика.

У Анико неправильная осанка: плечики высоко подняты, отчего шеи совсем не видно (хотя и не глядя понятно, что цыплячья), и при этом она еще сутулится, приволакивает ноги и кривит талию. И все же она — очаровательный подросток. Вот как у нее это получается?

Мне не с кем общаться, и я ее всячески подманиваю к себе. С ней можно даже разговаривать: она немного знает мировой. Правда, я знаю его значительно хуже. Но это же вовсе не препятствие, чтоб рассказывать ребенку сказки? Так как общего языка нет, я пользуюсь в основном пантомимой. Анико веселит моя неумелость, и она покатывается со смеху. Меня это немного задевает. Я-то считал, что именно пантомимой владею очень неплохо, была возможность в свое время позаниматься в любительском театре. Причем то, что любительский, вовсе не означало низкого уровня. У нас такая загадочная страна, что

любители зачастую гораздо сильнее
профессионалов.

— You are no skilful! — заявляет она, отсмеявшись. — It's no beauty?

И показывает сама: скользит-струится-летит по траве, поет-звенит-сияет...

— Fine! — вынужден признать я.

Я стараюсь не выдать своего изумления. В бурной юности я был не столько артистом, сколько... скажем так, организатором для артистов, так что в искусстве немного разбираюсь. На любительском, разумеется, уровне, который в нашей загадочной стране намного выше профессионального. И моей подготовки хватает понять, что то, что делает она, гораздо выше нашего мирового уровня. Выше настолько, что начинает оказывать гипнотическое воздействие.

— You are the witch! — говорю я ей серьезно.

Она отчего-то поражена.

В свою очередь она тоже вынуждена признать, что я знаю намного больше, чем другие до меня. Меня это страшно заинтересовывает. Кто другие? Уж не с ними ли она выучила мировой? Анико не торопится отвечать, ей интересно, кто я такой.

— Воспитатель детского сада, — бормочу я на родном языке. — Для мужчины это просто подвиг, да кто бы оценил...

То же я могу сказать и на мировом — но не объяснить. Не хватает знания языка.

А вот чиновники здесь такие же, как у нас! Неистребимое племя! Но, правда, я пока что не слышал, чтоб их где-то пробовали истреблять. Может, в этом секрет их неуязвимости? Я побывал у одного из них, здесь же, в больнице. При том, что здесь всюду отличная система оздоровления воздуха, пришлось долго ждать в душном коридоре, пока начальство освободится неизвестно от чего, чтоб соизволить что-нибудь сказать мне. Брезгливо морщась, начальство делало мне выговор за то, что нарушаю режим лечения, а также правила общения с персоналом, которые я неизвестно откуда должен был знать. В разговоре начальство, кажется, намекнуло, что упрямые типы, подобные мне, долго и бесполезно унижаются по инстанциям, чтоб получить индивидуальную карту личности. Я ушел на середине монолога. Лучше б он объяснил, куда я попал.

И была у меня еще одна встреча с местными властями.

Этот, очевидно, представлял нечто аналогичное нашим правоохранительным органам. Невзрачный мужчина тщетно пытался выяснить, как я попал туда, куда я попал. Он единственный здесь владел моим родным языком.

— Повторим маршрут снова, — терпеливо

говорил он. — Итак, ты ехал. А куда?

Ну как ему объяснить, что не было у меня работы, а та, что была, не могла даже прокормить; и были отчаяние, безнадежность и потеря всего, что связывало меня с реальным миром — и ехал я в поезде неизвестно куда на последние деньги по принципу «хуже нигде не будет»?

— Видите ли, — в результате замечаю я. — Важно не то, куда ехал, а откуда. И от чего.

Он не хочет понимать. Он уже знает, откуда я ехал. И теперь желает узнать, куда. Тогда я говорю ему все, как было.

— Ты, значит, бродяга, — делает он дикий, но абсолютно логичный для него вывод.

И мы беседуем дальше — хотя правильнее это назвать допросом. Итак, что же было дальше? А дальше — поезд горел. Что это было? Крушение? Нападение сепаратистов? Откуда мне это знать, вылетевшему через стекло, разбитому, оглушенному? Но чиновник мне не верит. Ведь я же там был? Был — и не знаю?

— Вот именно мне забыли доложиться, — бормочу я.

Чиновник недовольно качает головой, но ответ принимает. Да, так бывает, что забывают доложиться, и это возмутительно.

— Затем ты напал на нашего представителя, — напоминает чиновник.

Да, его я помню. Такая сытая, откормленная рожа, и охрана вокруг. Я до него еле добрался. Но, опять же, как объяснить человеку, очень далекому от наших проблем, зачем я пробивался к этой важной личности, зачем ударил в горло? Какими словами передать мою ненависть к миру, разрушившему мою жизнь и на ее обломках устроившему рай для жирующей элиты? И я молчу. Но чиновника на этот раз не интересует «почему», его очень беспокоит «как». Он напоминает, что я прошел охрану. Хорошую, по его представлениям, охрану, раз так беспокоится. Но я прошел — и ударил главного. И упал вместе с ним в красный туман.

Чиновник волнуется. Как я прошел охрану? У него есть мои данные. Я же воспитатель детского сада? Не командос, нет? Не секретная служба, не спортсмен, наконец? Конечно, нет. Тогда — как? Полуживой, изломанный?

— У нас очень странная жизнь! — вдохновенно говорю я. — Воспитателю детсада подготовка лучше, чем у командос, иногда нужна! Вот когда с родителями общаешься, например, или пьянь из детских беседок гоняешь...

Чиновник выслушал меня в огромной задумчивости, что-то отметил в личном деле и убыл, глубоко усомнившись в знании моего родного языка. Как мог, я рассказал ему о

житье-бытие детсадовского воспитателя. Теперь он наверняка считает детсад филиалом школы диверсантов, полигоном по выживанию.

Представитель правоохранительных органов тоже не соизволил объяснить, где это я очутился, где двери зарастают, девочки гипнотизируют танцами, а кровати лечат и калечат.

— Я тебе не информационный центр! — ответил он настолько по-нашему, что мне сразу вспомнились родные больницы.

Объяснила ли Анико, куда я угодил? Ну... да. Только ее еще понять надо. Я ее спросил, она раскинула руки, поплыла над землей-запела-заискрилась:

— Родина моя, Астора, звездочка зеленоглазая во мгле ночей, в лучах рассветов; заря лесов, заря степей... ты — пенье ветерка над белыми песками, прибой бурунный, южные моря, ты — песня моря! Астора — родина моя, мой смех и горе...

Она остановилась, опустила руки и вздохнула:

— А это не Астора. Это Граница. Место, где живут подобные тебе и даже хуже.

Мне кажется, я ее понял правильно. Граница. Уже не Земля. Иная техника, одежда, язык. Но бесчеловечностью своей, равнодушием — все как у нас. Зарубежье. Только очень дальнее. Ну и что? За билет я не платил, попал по случайности. Что ж,

буду жить здесь, хуже все равно не будет. А вот Анико здесь чахла. Астора... это что-то вроде рая для Анико. Если, конечно, можно доверять в таких вопросах одинокой, страдающей в чуждой обстановке девочке.

Что-то все же оборвалось во мне, когда я вылетел из горящего поезда и разбился о землю. То ли благоразумие. То ли малодушие. Не знаю, их зачастую так трудно различить. Я выздоровел, и следовало получать индивидуальную карту личности. Я опять попал к чиновникам, опять потянулась чередой мелких унижений... а потом я вдруг спросил сам себя, ради чего все это надо терпеть. Получилось, что нет у меня больше ничего, чем стоило бы дорожить. И тогда я от души врезал ближайшему чиновнику в глаз. Внес посильный вклад в истребление их пиявочного племени.

Вечером ко мне ввалился мой самоуверенный нянька. А я как раз делал лечебную гимнастику. Так что он постоял в растопыренной позе, понаблюдал, потерял уверенность и удалился. Видимо, решил, что чиновник тоже в чем-то как-то сам напросился. А может, он за помощью отправился.

Пришлось на всякий случай спать под кроватью. Неизвестно, чего она теперь во мне залечит. Прощай, индивидуальная карта личности, а вместе с ней и возможность устроиться на работу, и

многое другое. И что? И ничего. На родине у меня была аналогичная ситуация. И ничего, живу.

Как-то все же мои проблемы проявились. Может, в хмурости и молчаливости. Анико — чуткое существо, под чужим несчастьем сразу сникла и съежилась. Пришлось уговорить ее поиграть в догоняшки. Она еле согласилась.

— Только не здесь, — поморщилась девочка, оглядев больничный сад. — Здесь уныло. Скорей бы домой!

Она вдруг оживилась.

— Мы будем играть на Холме Прощаний! — заявила она. — И я покажу тебе Астору!

Ну, почему нет? Лишь бы выпустили в город. Но нас выпускают. Перед Анико все двери открыты. Видимо, ее мама — очень большое начальство.

Я гляжу жадно во все стороны, но город всего лишь непривычен, не более того. Под ногами не асфальт, но что-то, выполняющее ту же функцию. Высотные здания не устремляются вверх свечками, а тянутся закругленными лентами, и на стенах непонятные выступы — но все же это высоты. Транспорт более чуден и разнообразен, но точно как на Земле возит людей. Вывески и надписи не висят над входами, а светятся прямо в воздухе, бегут, подмигивают — и раздражают так же, как любая навязчивая реклама. Действительно —

Граница. И люди — просто люди. Так же спешат по своим делам, не глядя по сторонам и не интересуясь окружающим, как в любом земном мегаполисе. И я успокаиваюсь. Бродяге и здесь найдется место.

Анико сказала, город занимает всю планету. Мне не верится, но без индивидуальной карты как узнаешь? В транспорте надо платить. Здесь хороший общественный транспорт, полупустой. Наверно, не все платить могут? Мы-то идем пешком. Холм Прощаний — он близко, оказывается. Это обычный пологий холм в парке, с группой скал на плоской вершине. Широкая тропа вела вниз — и там не было мегаполиса. Тропа утопала в разливе садов, за которыми угадывалось теплое море. Никаких высоток и скоростных шоссе.

— Астора! — благоговейно прошептала девочка.

Прекрасная Астора — просто название дачного поселка? Как легко быть раем для маленькой девочки.

Так что мы играли в догоняшки на Холме Прощаний. Чрезвычайно трудное занятие, если учесть, что я мог догнать ее в три шага — а она могла из-за этого смертельно обидеться.

— Вниз по тропе не бегай! — серьезно предупредила девочка. — Путь на Астору заколдован! Барьер жжется, и будет больно.

Значит, заколдован. Хорошо, не будем туда

бегать. Десять лет — чудный возраст, полный детских фантазий и взрослого скептицизма. Анико поглядела на меня и рассмеялась. И тут небо над садами вспыхнуло изумрудным огнем. Фантастическое зрелище, явно принадлежащее не этому миру... а как это может быть? И еще барьер. Который жжется.

* * *

Доктор Бэра ничего не делал. Как любой арт, он нуждался в ежедневном длительном отдыхе — и отдыхал с наслаждением. Он сидел в оконном проеме, болтал босыми ногами и глазел на людную улицу, то есть на девушек.

Неуверенно заморгал экран связи. Серое лицо командира пограничной стражи Асторы было напряженным. Доктор Бэра давно заметил, что пограничник всегда терялся при разговоре с коренным асторянином.

— Командир пограничников Асторы Санго Риот! — зачем-то представился серокожий гигант, словно они не были знакомы несколько лет.

— А почему ко мне? — с любопытством спросил доктор Бэра.

Пограничник смутился. Видимо, он ожидал какой-то другой реакции. Босоногий юноша, сидевший на подоконнике, все же был одним из

руководителей Асторы. По крайней мере, так считалось в Границе. Так где же его официальность? Или хотя бы серьезность?

— Вы — тот, кто отвечает за оборону Асторы, — наконец сказал гигант. — Вы сами мне это сказали при первой встрече! Мой вопрос касается сферы ваших интересов.

— Так вы Санго Риот! — радостно воскликнул доктор Бэра, — Командир пограничников, да?

Гигант недоуменно кивнул. Он же только что представлялся!

— У вас в распоряжении десять орбитальных заградотрядов! — обвинил пограничника доктор. — Еще корпус перехвата вторжений! У вас служба внешней разведки, никто не знает, сколько там агентов — но много, если судить по количеству курсантов разведцентра! Еще что? Еще служба контрразведки, корпус внепланетных наблюдателей, еще не помню что! У вас под рукой все ресурсы Границы, намного превосходящие аналогичные Асторы! Неужели существует что-то, чего не можете все вы, но могу один я?!

— Да! — твердо заявил командир пограничников.

— О! Говорите.

— Холм Прощаний! — выпалил Санго Риот и в затруднении надолго умолк.

— Ну? — поощрил дружелюбно доктор Бэра.

— Холм Прощаний — самый прозрачный узел связи миров! И он до сих пор никак не защищен! По статусу это просто холм в Границе! На нем в догоняшки играют! Хотя, стоит врагу шагнуть на Холм Прощаний, следующий шаг будет уже в Астору, в самое ее сердце, на побережье южных морей! Поэтому — разрешите поставить на Холм охрану.

— Всего лишь? — задумчиво проговорил доктор Бэра. — Холм и тропинка к садам кажутся вам настолько беззащитными? И необходимо поставить охрану? Вы поставите — а завтра прекрасная Рона-сан отправится на полевые исследования в вашу Границу, и что? И уткнется в вашу тупую, да еще и вооруженную, и даже неподкупную охрану?! Или вообще в минные поля? А ведь мы, асторяне, в отличие от пограничников, тюрем не признаем! Особенно — для себя. Мы желаем жить свободно. И ходить туда, куда пожелаем, беспрепятственно. Поэтому — не разрешаю! Нравится охранять — охраняйте вашу Границу! Но чтоб статус Холма Прощаний остался таким же, каким был последние пять тысячелетий!

— Но Холм нужен мне для работы! — возмутился Санго Риот, забыв про почтительность. — Как поддерживать связь с разведчиками в дальних мирах? Как соблюдать

режим секретности, если во время сеанса связи за спиной запросто может торчать какая-нибудь компания и комментировать мои распоряжения?!

— Пользуйтесь особым, жутко секретным языком — или отгородитесь ширмой! — посоветовал доктор Бэра и отключился.

* * *

Санго Риот злобно глянул в потухший экран. Ширму использовать?! Давно уже поставили, и самую современную — но не в этом же дело! Тут принципы нарушаются! Основы основ! Самое ценное должно принадлежать государству — и никому более!

Санго Риот сердито включил обзор. Он находился на Холме Прощаний, в секторе разведцентра, замаскированном под группу скал забором-иллюзией. А по другую сторону забора играла в догоняшки странная пара. Мужчина в потрепанной одежде, не асторянин и даже не пограничник, и очаровательная асторянская девочка. Ее Санго Риот знал — не так уж много асторянских детей бродило по Границе без присмотра. Дочь Роны-сан, врача-инспектора Асторы в Границе. Большое начальство. Любой асторянин для пограничника — большое начальство. Потому ни арестовать, ни просто

прогнать парочку не представлялось возможным. А то бы... профессионального пограничника Санго Риота игры у забора секретного разведцентра бесили до багрового тумана в глазах! Догоняшки на пограничной полосе — кошунство! Вот превратить бы здесь все в неприступную крепость, типа орбитальных заградотрядов... Конечно, все только для того, чтоб защитить прекрасную Астору! Хотя... есть же нерушимый барьер Асторы.

Санго Риот поморщился. Астора — сверхцивизизация, это несомненно. Сверхцивилизация по определению непознаваема. Но... она как-то по-дурацки непознаваема! И техника ее — дурацкая! Ну что это за защита?! Просто тропинка в иной мир — и стенка теплого воздуха поперек. А не пройти. Вот он, барьер, дрожит струями теплого воздуха — как издевательство над здравым смыслом. Последний год Санго Риот по-всякому пытался его преодолеть — конечно же, исключительно в целях проверки надежности! Вот только планетарной бомбой не взрывал, а так все перепробовал. И — никак! Зато Анико по тропинке может легко на одной ножке упрыгать в Астору — что и проделывает ежедневно вместе с мамой. А Санго Риоту — никак. Даже с лазером. Если не асторянин — никак. И что там, на Асторе, что это такое вообще — никто не знает доподлинно. Так, древние легенды. Охрана того,

сам не знаешь чего.

Или все же поставить охрану? Ну что ему сделает этот барьер? Или та же Рона-сан? Никто никогда не видел войск Асторы. Сверхцивилизацию охраняют наемники. Как раз Санго Риот и охраняет! Поставить охрану — тогда и асторяне станут более покладистыми. С ними торговаться можно будет. Охрана... она может и не выпустить — так, по недоразумению. Тут доктор Бэра прав, конечно. Значит, уже было нечто подобное в истории Асторы! И как-то они проблему разрешили...

Санго Риот поежился. Страшно хотелось прижать сверхцивилизацию. Это было так легко проделать! Легко — но страшно. Все же — сверхцивилизация! Наверно. Или рискнуть...?

* * *

Приближалось время заката — фантастический, безумный праздник всех красок неба, но, увы, длящийся лишь мгновения. Доктор Бэра схватился за инструменты художника. Повторимыми средствами передать неповторимость красоты, передать и усилить — это ли не увлекательно?! Видел бы Санго Риот! Он и так уже начинает подвергаться сомнению авторитет работодателей. И их разумность. Пускай. У каждого

своя работа. У Санго Риота относительно простая: махать кулаками, стрелять, защищать границу Асторы от себе подобных. А у доктора Бэры работа сложная: как-то избежать неизбежной ситуации, когда вооруженная защита начинает помывать безоружными защищаемыми. Ясно уже, что не послушается Санго Риот, наложит могучую серую руку с бластером на Холм Прощаний, чтоб прижать маленько свободных асторян. Что ж, данная ситуация пока что не критична: что делать, асторяне узнали еще пять тысячелетий назад.

Поэтому доктор Бэра сидел на подоконнике и азартно запечатлевал неповторимый закат Асторы, сравнимый по красоте только с неповторимым рассветом Асторы, выкинув из головы и Санго Риота, и варвара, играющего с Анико-сан на Холме Прощаний в догоняшки.

* * *

— Today is, perhaps, the last day for us, — сказал я Анико на языке, который, я надеялся, походил на мировой.

— Why? — искренне изумилась она.

С ее точки зрения, у нас все было замечательно: мы встречались, когда хотели, и занимались чем хотели и где угодно. Мы бродили по городу, бегали в общедоступных парках,

купались на диких пляжах и вообще совали любопытные носы во все углы. Мы даже изучали местный язык — Анико его не знала так же, как и я. Анико приобрела верного спутника и защиту в авантюрах, я же... у меня дела обстояли более печально.

Анико требовательно ждала ответа. Но как объяснить при моих скудных возможностях существу чужой культуры подозрительность больничной службы, их тупое недоумение, их возмущение нашей странной разновозрастной дружбой, их рвение угодить асторьянской благодетельнице — начальнице больничного комплекса и каким-то боком матери Анико? Они долго решались — и наконец за меня взялись всерьез. Припомнили мне избиение чиновного племени. Но что сделаешь человеку, у которого ничего нет? Можно, правда, отобрать свободу. Ну, я вычеркнул из жизни пару дней, записал их в опыт познания Границы. Тюрма как тюрма, на родине свобода была похуже. Потом выяснилось, что и для тюрмы необходима индивидуальная карта личности, без нее на меня средств не предусмотрено. Так что выпустили. Правда, только для того, чтоб запереть в больнице в палате для принудительного лечения. Судя по впечатлениям, лечение заключалось в отсутствии еды. Ослабевший от голода человек не способен на

сопротивление по чисто техническим причинам, вот на что был расчет. Таким образом на жизни при больнице был поставлен крест. Осталось выйти и уйти. Это случилось, когда санитар посчитал меня достаточно ослабевшим от голода и вошел в палату один. Санитар был гораздо сильнее меня, но я вышел, а он — остался. Оказывается, когда терять нечего, появляются и хладнокровие, и решимость — и особенно холодная ярость, удваивающая силы. А еще у меня был опыт жизни на родине, где случалось всякое.

И вот теперь я иду с Анико к Холму Прощаний, и мне становится понятным его название. Всегда наступает момент, когда асторянской подружке пора идти домой, а мне — в Границу, на поиски еды и ночлега.

— Как ты догадался, что я колдунья? — требовательно спрашивает Анико. — Скажи, и я обещаю, что познакомлю тебя с мамой! Все хотят с ней познакомиться, потому что это почетно! Она же арт!

— Арт — это богиня? — бормочу я равнодушно. — И что? Я безбожник.

— Я точно познакомлю тебя с мамой! — решает пораженная Анико.

Она так забавно гордится своим особым статусом. Своим — и мамы. Она ее любит — где-то очень глубоко под чувством обиды и покинутости.

Мать Анико — арт. Может, это значит, что она из гениальных ученых. Может, местная аристократия или просто большое начальство. Но для Анико она — богиня. И я не говорю ей, что мать Анико и так уже знает про меня все. Даже то, чего не было. Сплетни, слухи, интриги — они процветают во всех мирах. И так же неистребимы, как чиновное племя!

Она встретила нас на Холме Прощаний, напряженно-звонкая и горящая гневом. Что меня крайне удивило — одна, без охраны и сопровождения. Для начальства это крайне необычно. Даже — невероятно. Анико, чуткий тюльпан, сразу сникла.

— Не бойся, — говорю я ей. — Никого не бойся. Я всегда с тобой. Даже когда меня нет рядом.

— Барьер Асторы нерушим, — обреченно пробормотала девочка. — Он не пускает чужих. А меня не пустят сюда.

И только сейчас я остро почувствовал, что Анико — единственное близкое мне существо в этом чужом мире. Близкое — и родное. Как, оказывается, мало надо для появления настоящих чувств — просто остаться одному в чужом мире.

Наши взгляды скрестились, и мой сказал начальнице много, очень много нелицеприятного. А чтоб было понятней, я добавил на родном языке:

— Ну ты и дрянь. Обидишь Анико, я твою

Астору переверну.

— Анико-сан, — тихо поправила девочка.

Они отправились по тропинке вниз, в свой мир. Запросто, без кабин нуль-переходов и звездолетов, просто по тропинке на ту сторону холма. В этой простоте скрывалось такое могущество, которое даже трудно было представить.

Они ушли, а я остался стоять. Всегда тяжело переносил расставания. А в Границу следовало возвращаться, успокоившись. Не то место, где прощаются расстроенность чувств.

К моему удивлению, женщина вернулась. Одна.

— Рона-сан, — представилась она сумрачно.

— Землянин, — подумав, представился и я.

А почему нет? Я действительно землянин. Пусть и нехарактерный для Земли — но с такого расстояния это уже... незаметно. Женщина насмешливо указала рукой на тропинку — проходите, мол, будьте гостем! Очень мило. Вот только тропа заколдована, и барьер жжется. Женщина смотрела на меня с улыбкой превосходства, и я понял, что это — урок для Анико, что девочка сейчас наблюдает за мной из темноты садов внизу, переживает и мучается. А мать наглядно объясняет дочке, кто такие они — и кто я.

— Ну ты и дрянь, — пробормотал я и пошел вниз.

Я услышал тихое «ах», когда нерушимый барьер Асторы пощекотал мне лицо теплым ветром. Пожалуй, техника лучше хозяев разбиралась, кто здесь свой, а кто чужой!

Женщина совсем по-девчоночьи забежала вперед меня и уставилась изумленно и пристально. Поведение барьера и для нее оказалось полной неожиданностью.

— Я не дрянь, — сказала она вдруг виновато на моем родном языке. — Я просто очень, очень занята. Я погружена в работу вся! Я же арт! Такой трудный выбор: или решение проблемы, волнующей многих, или дружба с дочкой, которая все равно скоро вырастет, и ее унесут от меня на руках... И все это так неожиданно и непонятно.

А я смотрел вперед. Там, среди зелени деревьев, кружилась в счастливом танце Анико.

— Ты дал моей дочери радость первой победы, — ревниво отметила женщина, проследив за моим взглядом. — Естественно, она желает, чтоб ты и дальше сопровождал ее по жизненному пути! Сначала это казалось мне дикой идеей... но теперь, пожалуй, и я этого хочу. Будь моим гостем, воин.

— Я не способен служить нянькой в богатой семье, — хмуро сообщил я.

— Я не богатая, я арт, — легко сказала

женщина. — Это несколько иное. И ты будешь не нянькой, а гостем. Это совершенно иное.

Она пристально глянула, понимаю ли я суть предложения.

— У меня уже есть подруга, — неловко хмыкнул я, кивнув на Анико. — Вот она.

Рона-сан буйно захохотала и махнула рукой — мол, что с вами поделаешь с обоими?! М-да, это еще вопрос, кто из них более девчонка — мама или дочка.

Анико встретила нас внизу, гордая до невозможности. Я взял ее чуткую, хрупкую ладошку, и Астора приняла нас в теплую тишину своих садов.

Шаг второй

Астора. Я прожил в ней больше года. В результате стал еще больше уважать Ивана Ефремова за мужество. Ефремов — один из немногих фантастов, кто пробовал изобразить счастливое будущее человечества. Хотя он наверняка понимал, как это невероятно сложно, невозможно даже! Вот изобразить мрачное будущее — всегда пожалуйста, нет ничего легче. Берешь окружающую нас поганую действительность, переносишь в мир с иными технологиями — готово. А чтоб изобразить коммунизм светлого

послезавтра, братъ нечего. Выдумывать надо. С нуля. Создать силой воображения совершенно новый мир, попутно решив массу проблем, которые человечество даже еще не осознало. Труд, достойный титана, не человека. А еще надо представить, какой будет жизнь в этом мире совершенно нового, неизвестного никому типа людей. Да, еще же надо понять, что это за тип людей. И это тоже — труд, достойный титана. Ефремов, конечно, не справился. Но попытка была мужественной.

Да, еще были Стругацкие. И известно их признание, что людей светлого послезавтра они находили прямо вот тут, в гнусном сегодня. Ну да, это заметно. Их герои — наши люди! Мы их понимаем, мы — иногда — такие же, как они! И всё это не имеет ничего общего со светлым послезавтра. Кого, извините, взяли, того и получили.

Это я к тому, что Астора, может быть, и есть один из вариантов светлого послезавтра. Развитый коммунизм. Рай. Как-то еще, наверно, можно назвать. Но, чтоб назвать, надо понять, что перед тобой. Хотя бы. А вот с этим сложно. Так турист, гуляющий по Елисейским Полям с солидной банковской картой в кармане, вовсе не понимает, что такое Франция. Потому что жизнь в банльё — это совсем, совсем не то же самое, что на

Елисейских Полях. А в грязных шахтерских городках — своя жизнь. И есть еще целый пласт жизни, называемый рураль... Конечно, всё это можно объять. Если прожить во Франции всю жизнь, если любить эту страну и изучать каждодневно — то можно. Но тут — Астора. Совершенно чуждый мир. И какой-то жалкий год жизни, практически на одном месте. Да еще и язык, на первый взгляд так принципиально непознаваемый. Дело в том, что язык на Асторе — один, и образовался он в результате слияния многих древних языков. Слияния, не уничтожения, вот в чем сложность невероятная. То же самое, что считать языки Европы одним обширным языком. С чисто научной точки зрения это, конечно, так и есть — но выучить невозможно. Свой лексикон для каждого раздела науки, свой — для поэзии, быта, еще десятки для вовсе непонятных ситуаций, и при каждой лексике своя фонетика, грамматика, диалекты, историзмы и архаизмы... В общем, асторяне, как я понял, учат язык всю жизнь, и он включает в себе все необходимые знания о мире. Почему бы и нет? Живут-то они, наверно, очень и очень долго.

Еще одно забавное наблюдение: коммунизм — это не когда всё есть, а когда ничего не надо. Если и преувеличено, то ненамного. Выяснилось, что на Асторе нет магистралей. Нет самолетов,

поездов, стратопланов и прочей экзотики. На Асторе вообще транспорта нет. И магазинов. И кафе с ресторанами. Заводов тоже не замечено. И... и проще сказать, что на Асторе есть. Есть Дома. У каждого асторянина есть свой Дом. Да, так будет правильно: на Асторе есть асторяне со своими Домами. И всё. А как же остальное? А никак. Асторянам ничего не нужно. Наверно. Они просто живут в своих Домах, Дома эти иногда перемещаются, летают, но без особой спешки, собираются в соты и образуют временные, а то и постоянные как бы города, особенно во время Фестивалей... в общем, тихая сонная жизнь без забот.

А под сонным покрывалом жизни — бушующий океан.

Любовь и измена, предательства и бессмысленная верность, поиски, открытия и разочарования, и еще множество того, чему и названия нет в земных языках. Накал страстей обжигающий. Взять хотя бы наши с Роной-сан такие непростые взаимоотношения, которым тоже не подберешь названия. Не дружба, не любовь и не взаимоуважение, хотя это тоже... Но если мы с Роной-сан люди огрубевшие, устойчивые, которых пронять считай что и нечем, то по Анико жизнь хлестала с размахом. И она часто с прогулок прибегала в слезах. Что там происходило, в их

детском, таком непростом сообществе? Она не рассказывала. И стеснялась, и наверняка не знала, как. Бытовой язык, который я учил, непригоден для описания психологии отношений в группах сверхлюдей. Пусть даже сверхдетей — не пригоден всё равно.

Сначала я думал — по земным аналогиям — мою девочку просто кто-то травит. Ну, пошел и дал по шее тем, кто, на мой взгляд, напрашивался. Угадал или нет, так и не узнал, но Анико жутко смеялась и вежливо попросила больше не лупить ее лучших друзей. Так что потом я в минуты кризисов просто утешал ее, носил на руках, как лялечку, и уверял, что для меня-то она самая лучшая, самая прекрасная асторянская девочка из всех, кого я знаю. Это, кстати, была чистая правда. И это помогало ненадолго. Но в целом... моя прекрасная танцовщица всё больше отдалялась от своих ровесников и всё чаще проводила свободное время со мной. Мне-то хорошо — я благодаря этому узнавал про Астору такое, чего сроду не раскопал бы сам. Например, то, что на якобы перенаселенной Асторе есть совершенно безлюдные степи. И заповедные горные озёра, рядом с которыми тоже никто не живет. И еще есть целый континент, на котором бывают только Дома. То есть перенаселенность Асторы — это что-то, не связанное напрямую с количеством жителей... Мы

побывали с ней кое-где — докуда ноги могли дошагать или Дом долететь. Лишь бы к вечеру были у Холма Прощаний, чтобы встретить Рону-сан после работы в Границе. И каждый вечер в моей душе царила эта необыкновенная, страстная, порывистая, загадочная женщина. И я всё так же безуспешно пытался её понять. А она — меня.

Что ж, и через год я мог сказать про Астору всё то же: что она благословенна, как сон, чудесный и прекрасный. И я провел здесь свои лучшие, такие беззаботные дни. Но ничто не вечно, и это правильно. Не вечно, потому что развивается и меняется, то есть попросту живет. Ну вот и наши отношения с Роной-сан развивались... и доразвивались. Оказывается, это очень больно — когда обожаемая женщина увлекается очередной загадкой и забывает про тебя. Ее могучему интеллекту оказалось невозможно долго заниматься таким простым объектом, как я — стало неинтересно. Ощущение лишнего — нестерпимое. Однажды ночью мне приснилась бескрайняя степь, лента дороги в мягком асфальте и две маленькие фигурки, увлеченно шагающие к горизонту. Что значило — я выздоровел. И я ушел.

* * *

Я стою перед патрульными Границы, а те

самодовольно улыбаются. Еще бы! Им же удалось меня найти! И даже, как им кажется, поймать!

— Follow me! — небрежно приказывает старший.

Значит, следовать за ними. Добровольно. Ну что ж... Вообще-то общение с силами правопорядка подобно движению поезда: если встал на рельсы, то в сторону уже не свернешь. Только вперед или назад — что, в сущности, равнозначно. Всё равно же остаешься на рельсах. Вперед — это на допрос. Оттуда — на тюремный рыбозавод. И даже без суда. На какой суд может рассчитывать существо без идентификационной карты? Для таких срока наказания не бывает, потому что суд не положен. То есть если садят, то навсегда.

А есть движение назад. Не идти добровольно. Но у патрульных — дубинки-шокеры, у патрульных шнуры-самозатяжки. И их много, патрульных. Так что в результате всё равно попадешь на допрос, то есть вперед. Это при условии, что после дубинок останешься жив, что вовсе не гарантируется.

Можно, конечно, рискнуть и свернуть с рельсов. Это — крушение, это драка с патрулем и повальная облава на преступника по всей Границе. Граница очень велика, но всё же не настолько, чтобы в ней спрятаться. Сопротивление

бесперспективно.

Вот так и рождается рабство!

Они были здоровенными ребятами, так что я отвесил им со всех сил. Прошлый раз пожалел одного, а он встал и достал меня шокером. То-то ощущения были!

По логике, вдвоем они гарантированно должны были меня уделать. У них и подготовка, и спецсредства. Но у меня — решимость и чувство собственной правоты, что дает иногда эффект просто необыкновенный. И еще они не ожидали сопротивления от такой невзрачной личности. По мне же не было заметно, что я провел последний год на силовых батутах — очень популярном развлечении на побережье Южных морей.

Но, скорее всего, особая подготовка полицейских — просто миф. Один из тех, что растут на страхе.

Старший хрипел в собственном шнуре-самозатяжке.

— Бери переговорник, — ласково сказал я. — Начальство вызывай. Пусть оно прямо тут решит, виноват ли я в чем.

Был крохотный шанс, что начальство окажется хоть сколько-нибудь человечным. Или хотя бы справедливым. Прошлые разы, впрочем, не везло.

— Дурак! — прохрипел старший. — Какое

начальство? За нападение на патруль — в камере подохнешь! Лично забью!

Он был уверен, что мы скоро поменяемся местами. А как иначе? В Границе с полицией не связываются. А то в камере забьют. Вот в этом и есть главная сила полиции — что с ней не связываются. А вовсе не многочисленность или какая-то там подготовка. Но меня перспектива быть забитым не устраивает, и шнур затягивается сразу невесть на сколько делений. Ничего, откачают, медицина в Границе отличная, сама Рона-сан приглядывает!

— Бери переговорник! — приказываю я младшему. — Вызывай босса, понятно? Того, кто решения принимает, а не старшего смены, такого же долдона, как и ты!

Он решил, что я беру заложника, и что-то бешено забормотал в прибор. М-да. Смелый, значит? Голову в плечи втягивает, но вызывает не начальство, а антитеррористическую группу. При таком раскладе здесь не босс появится, а снайпера. Ну и зачем мне дожидаться? Так что я ушел. Прощай, моя несытая жизнь в Границе. Не много-то я и потерял: работу за кормежку да ночевки в подсобке магазина.

Конечно, с идентификационной картой личности все обстояло бы по-другому. Да только ее выслужить надо было, а у меня после крушения

поезда что-то поломалось внутри — и больше я кланяться не могу. И чиновное племя не могу терпеть тоже. Совсем больной, по любимым меркам. Зато на душе легко и светло, как никогда в жизни, и ночевки в подсобке магазина кажутся вполне приемлемой платой за свободу. И все чаще появляется странная гордость: я — землянин!

А сейчас требовалось хорошенько укрыться от всевидящего ока полиции и подумать, как, где и за счет чего мне жить в Границе дальше. Что ж, идеальное укрытие у меня было: прекрасная Астора. Барьер по-прежнему меня признавал. Правда, Рона-сан больше не ждет. И в гости не приглашает. М-да. А вот с Анико получше. Да только она как-то быстро выросла. Выросла — и стала оглядываться вокруг в поисках рыцаря-на-белом-коне, как это бывает в определенном возрасте. А вместо него уставилась на меня, ведь я же и болтался все время около. Так что пришлось набрать дистанцию. Она сейчас в поисках объекта воздыхания, а мой затертый вид эти самые объекты однозначно отпугивает.

Ну, хотя бы искупаюсь в море. А подумаю на пляже. Пляжи у них бесплатные. Да у них все бесплатное — только не дают. Вот такой странный на Асторе коммунизм. Для своих.

Трава на Холме Прощаний пожухла. Осень. Снова осень. Снова серое небо, бесконечные дожди

и потоки угрюмых людей по улицам, залитым светом реклам. После сегодняшнего это, правда, временно не для меня. Тоже не жалко.

Нерушимый барьер приветствовал меня упругой стеной теплого ветра. Прекрасная Астора, здравствуй.

Но, сколько ни купайся, кушать захочется все равно. А на Асторе не подают, да и я не беру. Я — землянин! Так что пришлось возвращаться в Границу.

Странно, но полиция никогда ранее не пыталась перехватить меня на Холме Прощаний. Как будто им кто-то запретил бесчинствовать около границы Асторы. Всегда ждали, когда я отойду подальше в мегаполис, чем я и пользовался. Но на этот раз встретили прямо за барьером. Серокожий гигант в боевой форме пограничника насмешливо разглядывал меня алыми глазами. Кое-что про него даже я знал. Командир отряда коммандос с Гоэмы, извечного врага Границы, добровольно перешедший на сторону последней. Ныне — командующий всеми силами безопасности Границы, щит и меч прекрасной Асторы, Санго Риот. Вербовочные щиты с его изображением можно увидеть в любом месте Границы.

Я хотел увидеть начальство? Ну так вот оно, главнее некуда. На мгновение я даже поверил, что существует справедливость и на Границе. А как

еще понимать появление очень высокого начальства без охраны, и всего лишь для того, чтоб закрыть вопрос с одним из бесчисленного множества бесправных людей? Только как желание лично разобраться и восстановить справедливость!

— Это ты — любитель асторянских девочек? — с усмешкой поинтересовался Санго Риот, и я понял, что зря поверил в справедливость.

Год назад я бы кинулся на гиганта с кулаками — и нарвался бы... да на что угодно. Это простым людям оружие запрещено, а начиная с какого-то уровня власти уже нет. Но год, проведенный в размышлениях, здорово меня подготовил к неприятностям.

— А это ты — цепной пес Асторы, продавшийся за похлебку? — вернул я ему усмешку.

Правда бьет больней всего — и уже гигант кинулся на меня с кулаками. Его тоже обманул мой внешний вид. Бродягу, который ниже тебя на голову, так и тянет ткнуть в зубы, разве нет? Так что он обманулся — и получил по полной программе. Ну, я тоже обманулся. Таких, как Санго Риот, кулаками не успокоить. Он только головой тряхнул, утер кровь с разбитого лица — а потом просто двинул рукой. И наступила тьма.

Так мы и познакомились. Санго Риот оказался очень странным начальством — способным

кинуться в драку, когда у него в распоряжении все силы Границы.

Уже в госпитале, возвращая своему носу привычную форму, гигант проворчал:

— Не обзывай меня цепным псом, хоть я он и есть! Астора — наша праматерь! И твоя тоже, психопат! Служить ей — потребность сердца!

Я не ответил ему, может, отчасти потому, что мне тоже приводили в порядок лицо. Почему-то мужчины, когда злятся, норовят заехать в глаз, хотя правильной звездануть по коленке. Может быть, у него действительно была такая потребность — служить чужой стране. Или планете? Неважно. Он все равно ощущал себя предателем, и упоминание о предательстве его задевало. Я хорошо его понимал, потому что сам испытал нечто подобное, когда покинул родину. Много позже я понял, что главное — не то, где находишься, а то, что защищаешь. И назвался Землянином. По праву.

У Санго Риота хватило мужества извиниться за свои слова. Станным он все же был начальником!

— Про вас с Анико такие доклады лежат! — оправдывался он. — Как я мог не верить своей разведке? Кому тогда верить вообще?!

Что я мог ему ответить? Что все, доложенное про нас, правда, и к тому же не вся правда? Мои отношения и с Роной-сан, и с Анико — они были...

очень сложными. А разведка, она ведь фиксировала только одну сторону: ту, что видна. Ну и трактовала поведение сверхлюдей в меру своего понимания мира, как любовные взаимоотношения, например.

— Не ваше дело, — только и сказал я в результате.

Как ни странно, он с этим согласился. Не так уж был груб и нечуток глава силовых ведомств, если сумел почувствовать, что странная дружба асторянской красавицы с бродягой из Границы — действительно не его дело.

— Санго Риот, можешь звать меня так! — с забавной торжественностью представился он. — Как называть тебя, воин?

В Границе боготворили воинов — хотя, как и везде, командовали торгаши, бандиты, воры.

Я подумал. Мое прежнее имя сгорело, исчезло в чаду того поезда, что пылал когда-то в ином мире, в иные времена. Он умер, тот прежний тихоня и неудачник, нынешний жесткий и безжалостный я совсем на него не похож.

Санго Риот правильно понял мое молчание.

— Я буду звать тебя Землянин! — решил он. — Если сама Рона-сан признала это имя, значит, оно достаточно правильно отражает твою суть!

Я не возражал. На языке Границы землянин не обозначало ничего и вполне могло служить именем.

Мы прошли в один из его кабинетов. Санго

Риот явно бахвалился роскошной обстановкой, и глубокими креслами, и подобоострастными помощниками от чиновного племени. А во мне все росло и крепло недоумение. И вот этот ребенок — боевой кулак Асторы? Да ну!

— Жалуются на тебя! — недовольно сказал Санго Риот, развалясь в кресле. — С патрульными чего дерешься? Служба безопасности Границы выполняет свою работу! Они обязаны знать, как ты проходишь нерушимый барьер Асторы! Тебя просто спрашивали! Не били, не пытали?

— Просто спрашивали, — согласился я. — Не били. Разве что слегка — когда заставляли давать показания. Сначала в патрульной машине. Потом в участке. Потом у дежурного по мегаполису. Еще в тюрьме. Еще представителю разведки. Задерживали — для выяснения личности. Хотя прекрасно знали, кто я — иначе б не задерживали! Наказывали за отсутствие документов — хотя сами же их не выдали. Это, конечно, не пытки. Это обычная работа службы безопасности — или кто у вас занимается такими, как я?

Я уже достаточно прожил в Границе, чтоб немного разбираться в местной межрасовой каше. Санго Риот очевидно принадлежал к серокожим аборигенам Гоэмы. Так вот этот гигант явно начал закипать гневом — вспыльчивость являлась расовой чертой и важнейшей частью их культуры.

— Спишь на складе! — загрохотал он. — Подбираешь объедки! А какой гордый, да?! В тюрьме тебе плохо, да?!

— Гордость — это всё, что у меня осталось, — предупредил я и поискал предмет потяжелее.

Санго Риот яростно подышал — и укротил себя. Ну, этого следовало ожидать. Такой вспыльчивости обязательно должен соответствовать какой-то противовес, иначе раса не смогла бы выжить в соседстве с другими.

— Как проходишь на Астору? — резко бросил он, не глядя на меня. — Что видел? Зачем видел? Рассказывай, и закроем это дело! Эти чиновники из любой ерунды проблему раздувают...

Я помолчал. Значит, рассказать? А как? Не то чтобы я не помнил, просто... стоит прикрыть глаза, и вот он, рассвет Асторы, горит в полнеба, и радуга пляшет в прозрачных водах заповедного озера, и крутится в самозабвенном танце хрупкая фигурка моей ненаглядной танцовщицы; и теплый аромат аллеи светящихся деревьев накатывает... «Отнеси меня во взрослую жизнь!» — шепчет Анико, и ее руки невесомо опускаются мне на плечи; и бьет в берег прибой Южных морей, взлетают в небо ловкие прыгуны, легкая фигурка раскрывается в воздухе и стремительно несется к сверкающей глади, пронзает прозрачную толщу воды, и вот уже

смеющимися огромными глазищами сияет мне девочка-арт, хрупкий цветок асторянских степей... Каждый шаг на Асторе связан неразрывно с очень личными воспоминаниями. Ну и как это рассказать? Как передать странное и восторженное ощущение великой цивилизации, если для меня она воплотилась в единственной знакомой мне девочке? Арт — это значит богиня, не так ли?

— Знаешь что! — говорю я в результате. — А почему бы тебе не спросить у Роны-сан? Или у доктора Бэры? Из всех асторян эти хотя бы помнят, что в Границе тоже люди живут. Иногда помнят.

— Они не говорят! — вырывается обиженное у руководителя вооруженных сил всей Границы.

А я смотрю в недоумении. Он не должен так признаваться! Так дети говорят! Неужели он настолько молод? Тогда понятен его боевой комбинезон с кучей оружия в захватах. Это в Границе, под защитой огромной армии полицейских, когда над головой висит всевидящая база заградотряда. Понятен и его кулачный порыв. Ребенок? Благородный рыцарь-романтик? А я назвал его предателем.

— А ты ли командуешь силами Границы? — не сдержавшись, замечаю я. — Как ты вообще попал на свой пост? Тебя же должны были съесть на нижних подступах! Подумай об этом. И чьей пешкой являешься.

На самом-то деле я его еще обиднее назвал. В одной из местных игр существует класс разменных фигур, чья роль исключительно в подставах и заключается...

Санго Риот угрюмо промолчал. Видимо, и сам задавался этим вопросом.

— Пойдем, — решаю внезапно для самого себя я. — Покажу тебе кое-что. И ты перестанешь спрашивать.

* * *

Мы не спеша бредем к Холму Прощаний.

— Нерушимый барьер Асторы — что он есть такое? — размышляю я вслух. — Сложная система защиты? Скорее всего. Может, он анализирует пульс, походку, состав крови, может, даже мысли. Откуда нам знать? Барьер может изучать нас по миллионам параметров! А потом миллионы элементов сливаются в одно решение. Думаю, это симпатия. Барьер пропускает тех, кто ему симпатичен.

— Так просто? — не верит Санго Риот.

— Так сложно! — поправляю я.

Я не говорю гиганту, что, по моим наблюдениям, в числе прочих барьеру требуется один обязательный элемент — поручительство гражданина Асторы. И поручительство это — вовсе

не из тех, какие даются, например, банку. Это поручительство с жизнью связано.

Теплый поток воздуха ударяет в лицо.
Здравствуй, прекрасная Астора.

Идущий следом Санго Риот шипит от боли.

— Терпи, — советую я.

— Зачем? — хрипит Санго Риот.

— Ну, может такое быть, что барьер оценит твоё мужество и пропустит?

Санго Риот не верит. Но терпит.

Снизу, от подножия холма, за нами с детским любопытством наблюдает Рона-сан.

А потом барьер пропускает гиганта.

— Иди! — подталкиваю я его. — Смотри, чего тебе надо.

Ничего он не насмотрит. Сейчас перед ним встанет Рона-сан и закроет собой всю Астору.

А я возвращаюсь в Границу. Кушать чего-то всё равно надо, никто за меня этой проблемы не решит. Я уже знаю, куда пойду, у меня осталось не так много вариантов. Жить в Границе мне всё равно не дадут. Санго Риот высоко, а полиция — вот она, рядом. Остается работа вне Границы. Причем такая, за которую местные безработные берутся в крайнем случае. Ну, у меня как раз крайний случай. И что? И ничего. Работал на Земле, работал и вне Земли. А вот теперь буду работать вне Границы. Правда, недолго. Крайний случай — это... скажем так,

торговля собственной жизнью. Долго на такой работе не живут.

Полицейский патруль смотрит на меня в затруднении. И не решается преградить путь. А потом полицейские и вовсе отворачиваются, как будто меня нет. Ну, с их точки зрения наверняка это так и выглядит.

* * *

Ночь. Аллея светящихся деревьев мерцает розовым светом, и серое лицо Санго Риота кажется от этого диковато черным. Это Астора, та самая, куда воин рвался так неукротимо. Здесь всё — неразгаданная тайна. Но тайны Санго Риота больше не интересуют. Он смотрит и не может насмотреться на Рону-сан. Этой ночью женщина задумчива и грустна — и оттого еще более притягательна.

— Давно хотела Вас спросить, — говорит Рона-сан. — Тот человек... Вы звали его Землянин. Что с ним?

— Ушел! — пожимает огромными плечами Санго Риот.

— Ушел? — слабо переспрашивает женщина. — Как странно... Это же он провел Вас через барьер Асторы? Кто прошел барьер Асторы, считается нашим гражданином. Вы гражданин

Асторы благодаря Землянину — и никак не позаботились о его судьбе?

— Он был и вашим гостем! — ревниво замечает Санго Риот. — Он был другом вашей дочери! Вы могли сделать для него гораздо больше!

— Что я могла? — тихо возражает женщина. — Я не могла предложить ему кров. Больше не могла. А дочери он сказал, что не нахлебник — и ушел. И она хочет знать, куда.

— Отказался — значит, дурачок! — с облегчением сказал Санго Риот. — А почему — нахлебник?

— Вы, конечно, гражданин Асторы — но нашу жизнь не понимаете, — по возможности мягко замечает женщина. — Пока не понимаете. Поначалу это... трудно. У нас огромное значение имеет Дом. Дом есть у каждого взрослого асторянина. Он заменяет нам всё то многое, что существует в Границе: гостиницы, рестораны, магазины... транспорт, кстати. Землянин жил у нас. Таков выбор: или ты чей-то гость, или ночуешь под кустом. Такое исключительно неудобно, несмотря на добрый климат Асторы.

— Но хотя бы какой-то транспорт у вас есть? — озабоченно спрашивает Санго Риот. — Я впервые забрался так далеко от Холма Прощаний, а уже ночь.

— Есть, — виновато отвечает женщина. — Я

говорила уже. Это Дома. Они заменяют нам действительно всё.

— Но не у всех, — понятиливо кивает Санго Риот. — Учту на будущее. Что касается Землянина: я интересовался его судьбой. Он вернулся в Границу, сразу же вступил в корпус Внепланетных Наблюдателей. Служил. Недавно корпус полным составом был отправлен в район Желтых Планет, это на периферии. На подлете его транспорт местными военными был случайно обнаружен и сбит. Хоронить нечего, почести не положены, из списков корпуса исключен.

— Корпус Наблюдателей? — растерянно спрашивает женщина. — Служил? Зачем?!

— Чтобы поест? — предположил Санго Риот. — В Границе законы простые, запросто можно помереть с голоду. А там его хотя бы кормили.

Рона-сан, пораженная до глубины души, обдумывает новую информацию. То, что кто-то может помереть с голоду, явно оказывается для нее открытием.

— Вашу помощь он не принял тоже? — наконец спрашивает она.

— Он не просил! — снова пожимает плечами гигант. — Я не навязывался.

Женщина печально усмехается. Она много лет работает в Границе, и всё равно ей так трудно

иногда понять этих людей.

— Он был странным, этот Землянин, — бормочет Санго Риот. — Но иногда говорил удивительно метко — видимо, случайно... Помню, он удивился, как это я попал на столь высокую должность. Теперь и я удивляюсь. Как? Я не политик, не экономист, не дипломат. Я даже не полководец. Просто хороший воин. Как? И — за что?

И Санго Риот впервые смотрит требовательно на существо высшего порядка.

— Мы приказали, — просто отвечает женщина. — На главном посту нам нужен честный воин. А чиновники — они... набегут сами. Они всегда откуда-то появляются.

— Значит, предстоит война? — подбирается Санго Риот. — Приказывайте, моя госпожа!

Женщина снова печально усмехается. Как понять этих людей? Война, смерть... а он радуется!

— Это связано с Желтыми Планетами, — поясняет она. — Впрочем, это долгий разговор. Пройдемте ко мне. Доктор Бэра ждет нас. Рабочих офисов, как вы догадываетесь, у нас тоже нет, есть Дома. Я предлагаю Вам быть моим гостем, воин. Мой Дом сейчас на побережье, это близко, вы не устанете.

У берега моря они остановились. Вечный прибой пел вечные песни, и каждый их понимал

по-своему. Рона-сан услышала в его шуме горе одинокой асторянской девочки и вздохнула.

Шаг третий

Он сух и жарок, мой новый мир. Жгучие камни, ветер-суховей, бешеное солнце. И как здесь люди живут? Как растения. Ночью, у воды. Конечно, это не Астора. Это даже и не Граница, хотя попал я сюда одинаково: дым, огонь, удар, боль — провал. Вот больницы не было, зажило и так. Зато не было и проблем с памятью, что хорошо, так же как и проблем с документами. В этом мире жизнь устроена просто: если не знаешь языка, не имеешь документов и денег, то ты однозначно раб. Вот тебе миска простой еды и много работы. Сбежишь — хозяева обидятся и убьют. Я не сбегал. Зачем?! Нужно было оглядеться, подучить язык. В корпусе наблюдателей не предполагалось хорошего знания языка страны наблюдения. Да там вообще ничего не предполагалось. Не то чтобы не хватало средств на обучение курсантов — просто считалось, что любое обучение накладывает отпечаток. Ну и зачем нужен разведчик с отпечатком чужой цивилизации? Потому действовали просто, то есть количеством. Забрасывали в ареал наблюдения огромное количество ненужных Границе людей — и пусть

приспосабливаются, как могут. Отсев огромный — зато естественный процесс не привлекает внимания спецслужб. Ну кому интересны бродяги — или рабы, как в данном случае? А такой раб обвыкнется, оглядится — авось и сообщит кучу нужной информации. Если доберется до информации — сообщит обязательно! За это светило гражданство Границы и идентификационная карточка личности, то есть безбедная жизнь. Передатчик — единственное, что не забывали вручить Наблюдателю.

Вот я и оглядывался. Ну, а пока я оглядывался, меня сдали в армию вместо хозяйского сына и под его именем и данными. Так что теперь я какой-то там Саат Боат, двадцати лет от роду, житель Второй Желтой, абориген долин. И ерунда, что белый и вдвое старше записанного. Никого вокруг это не смущало, с чего бы беспокоиться мне? Тем более что теперь я с местными документами, не раб, а вовсе полноправный гражданин, даже достоин отдать жизнь за новую родину.

И вот ведь странность какая: здесь даже в рабстве жить оказалось в каком-то смысле проще и... получается, что свободней. Свободней, чем в Границе. И уж тем более свободней, чем на моей несчастной далекой родине. Может, это потому, что здесь распоследний раб может ходить везде, не

опасаясь, что его унизят или оскорбят. За своего раба хозяева готовы драться — и дерутся — насмерть со всем миром. И хозяйки тоже. И все их дети, способные держать оружие. Хотя в общем это мирный, незлобивый народ. Ну, если их не трогать.

Я помню, что я — наблюдатель Границы. Я обязан собрать сведения о наблюдаемой зоне, составить рапорт по заданному вопроснику и отправить по инстанции. Сбор сведений — в любом мире очень опасное занятие. Но гражданство Границы — лакомый кусок, любой бродяга рискнет за него жизнью. Любых, правда, не осталось. Транспорт развалился высоко над горами, и сообразить, что единственное средство спасения — модуль пилотов, да еще и добраться до него, удалось только мне. И выжить при крушении модуля тоже повезло только мне. Наверно.

Ну, рапорт составить несложно. Войска Второй Желтой усиленно готовятся к войне. Хватают всех годных к службе и небогатых, наряжают в боевые халаты, утертые до дыр и масляного блеска — и в лагеря подготовки. Подготовка в основном состоит из бессмысленных горных маршей — хотя воевать будем в городах и нигде больше. Это до боли напоминает мне родной мир. Разве что теперь на плече вместо учебного автомата болтается увесистое полено,

имитирующее местное громобойное оружие. Скоро наша толпа пойдет в бой. Скоро — это через месяц. Военных секретов здесь не одобряют, решения штабов обсуждаются на каждом углу. Мы воюем против Первой Желтой, которая в данный момент является агрессором, захватив приморские столицы планеты. Но это неважно: недавно Первая Желтая с треском вышибала из своих жилых массивов агрессоров Второй Желтой. Причина войны по меркам моей родины смехотворна. Планеты не поделили недавно открытый астероид с какими-то, может быть, даже ценными свойствами. Но никто не собирался воевать из-за астероида. Вот еще! Бизнес есть бизнес, всегда можно как-то договориться. Однако на переговорах офицер охраны одной стороны намеренно слегка наступил на ногу солдату охраны другой стороны, который стоял непочтительно близко. Солдат, истинный сын своей родины, засветил офицеру в глаз — и поехало! Давно уже нет в живых ни того солдата, ни офицера — погибли в драке делегаций. А война длится и длится. Вот и сейчас: столицы захвачены! Ну как их не освободить?! И вломить агрессору в его собственном поганом логове, чтоб неповадно было!

Так что составить доклад не проблема. А вот отправить его нечем. Разведчики сыплются на связи? Ну так меня никогда не разоблачат, потому

что у меня связи с Границей нет! Обломки транспорта корпуса Наблюдателей разбросаны по горам Второй Желтой. Когда я очнулся, передатчика при мне не было. Не потерял — просто не успел получить перед десантом. Выходит, я застрял здесь навсегда. И что? В Границе я был в таком же положении, и ничего. Люди живут везде.

Ребята моей группы — действительно ребята. Кое-кто — не более пятнадцати лет, совсем дети, хотя по документам такие мужики, что ого-го! Как все местные, они знают и умеют немного — зато хорошо. Они здорово скачут на уродинах, функционально аналогам наших ишаков. Они могут десятки часов азартно, с глупыми шутками рыхлить землю, таскать воду, месить глину. Что-то еще подобное они знают и умеют. И все. Лишним себя они не загружают. Зато из-за примитивности и понятности жизненных задач они невероятно целеустремленны, настойчивы и всегда абсолютно уверены в правильности своих поступков. Я отлупил их всех, чтоб в их правоте нашлось место и для меня. Теперь, сталкиваясь со мной, они шипят нечто вроде «год ир зэгэн!» — и уступают. А что еще делать с сопляками, которые хватаются за ножи, если им показалось, что их место в солдатской столовой не соответствует их месту в жизни — это в столовой-то, где все места равны, в смысле равно противны!

Поначалу меня удивляло, как в цивилизации, давно вышедшей в космос, могли сохраниться реликты вроде мотыжного земледелия. Пониманию сильно мешали прочитанные в юности фантастические романы. Ну как же! Космические технологии невозможны без всеобщего очень высокого образования! Космическая цивилизация невозможна без проникновения высоких технологий в жизнь каждого! Потом дошло. Еще как возможно. Космической цивилизации всё население планеты не требуется. Не надо ей столько для существования. Есть мегаполисы, производственные конгломераты, космические верфи, оружейные центры, там занято невообразимое количество народа. А остальное, тоже невообразимое количество народу, по-прежнему живет на землях, этой космической цивилизации даром не нужных. И там, как и в древности, мотыжат землю, месят глину, воду таскают — короче, просто живут. И прекрасно сосуществуют с техническим миром. Дети местных важных лиц учатся, уезжают в мегаполисы, остаются там... или возвращаются. Ну а рабы — так им, кроме еды, особо ничего и не нужно, разве не так? Забавно: ситуация на моей несчастной далекой родине такая же, и в глухих деревнях дыхание цивилизации почти не коснулось жизни — но как-то это не замечалось, не понималось. И

казалось, что космическое будущее — оно для всех и сразу. И надо было оказаться в чужом мире, чтоб понять, что это вовсе не так.

Как самого старшего и потому, возможно, самого умного меня назначили командиром компании. Это пока ничего не значит. Просто, если компанию ставят чистить навоз в личном хозяйстве офицера, работаем мы все наравне, но за плохую работу накажут прежде всего меня, а уж я — виновных. Если, конечно, сил хватит. Верно и другое: если заранее, до работы, надавать кому следует пинков, то за блестящие сараи получу поощрение я и только я. Опять же, если хватит сил защитить полученное. Мне приходится делать и то, и другое. В своей компании я не самый рослый, зато самый старший, и специфического опыта по раздаче пинков хватает. Кто служил в армии — поймет.

Сараи офицерам мы чистим регулярно, регулярно же получаем поощрения. В отличие от других командиров я делю премию на всех. Ребята меня не понимают, а потому сторонятся и норовят уйти в другую компанию. Я не против. От меня ушли все местные жилистые ребята, а прибились всякие слабаки, выходцы городских окраин, слабо приспособленные к солдатской жизни. С такими поощрения не дожидаться. Командир соседней компании не понимает:

— Зачем они тебе?!

И действительно — зачем? Может, затем, что я им нужен. А следовательно, они нужны мне. Но простому уму как объяснить, что такое одиночество? Он и слов таких не понимает.

Вечером, когда уходит жара, когда под черным небом и яркими звездами приходит способность думать и вспоминать, один из моих слабаков рыдает. То ли маму вспомнил, то ли девчонку. То ли умирать не хочется, потому что вспомнил девчонку или маму. Ну и что мне до него?

— Ха, не мы первые! — говорю я ему. — Миров множество, а жизнь везде примерно одинакова. Вот в одном из миров городской, между прочим, парень попал в жуткую ситуацию. Вот как было: он рос, как положено, полным балбесом — точно, как вы! — и что умел? Гонять по небу на ракетном ишаке, играть на бренчалке, не знаю, как она там у вас называется...

— Кымм — мэзз... — нестройно подсказывают слабаки и подтягиваются поближе.

— ... на кымм-мэззе, — продолжаю я. — И работу себе нашел такую же...

Слабаки мои постепенно подбирают сопли, слушают, штопают боевые халаты... А я рассказываю. Это не так просто при моем слабом знании местного языка — но помогает опыт

общения с Анико, и я справляюсь. Я так жутко перевираю, извращаю и упрощаю некогда читанную вполне романтическую сентиментальную вещь, что авторы наверняка переворачиваются в гробах.

— А драться почти как он я вас научу! — обещаю я. — И бегать. И стрелять. Но в первую очередь бегать! Потому что вы молодые, у вас всё только начинается, и мне хочется посмотреть на вас живых.

Мои слабаки не верят. От других компаний им достается достаточно часто, чтоб осознать свою никчемность.

— Вы сможете! — уверенно говорю я. — Сила — не главное. Сила вообще почти ничего не решает!

Конечно, за месяц мало чему научишься. Трудно так быстро что-нибудь поменять в мышцах. Разве что в головах. Разве что в сердцах. Разве что в душах. И то совсем немножко. Но это немножко как раз и есть то самое, что делает из слабака воина. Сила, умение метко стрелять — вовсе не основное для бойца. А вот хладнокровие, сообразительность, решимость и сплоченность...

Через месяц нас бросили в бой.

У меня не было сомнений, воевать или нет. И не потому, что Наблюдатель не должен выделяться. Вторая Желтая... приняла меня, как сына. Дикое

утверждение для бывшего раба. А мне плевать, что дикое! Я помню, как хозяин, ощерившись, кидался с кинжалом на толпу, посмевшую затронуть его подданного — и его малолетний сын тоже. Как он говорил потом мне, перевязывая руку своему младшему сыну:

— Ничего не бойся! Ты — наш! Мы за тебя любому сердце вырвем!

А потом уже я говорил своим слабакам то же самое. И подтверждал делом сказанное. Так что — нет, не было у меня сомнений. Я за своих слабаков любому сердце вырву — вот то правило, которое я осознал и принял на Второй Желтой. Мне так его не хватало на Земле.

Война в городе — жуткое, кровавое, грязное — но пугающее и величественное представление. Мгновенные стычки в коридорах — вот я вас, вот вы меня! Взрывы гранат, пыль и боевые газы в глаза, и грозные фигуры вражеских десантников-смертников, и дикие рукопашные в комнатах, уставленных мебелью. Режущая боль в животе от грязной воды. Снайпера на крышах и в окнах. Кумулятивные снаряды — сквозь бетонные стены! Летающие роботы-убийцы, зрячие ракеты и планирующие бомбы. Путаница улиц, бои без тыла и флангов...

Мальчики мои, слабаки, маменькины сынки, слушавшие сказки о космических разведчиках —

нет их уже. Что мне поощрение, с кем его делить? Да, лучше всех, отбили, удержали, не побежали. Главное — не побежали, хотя уже умели. Не побежали, как все остальные. Может, потому, что слушали сказки о рыцарях неба. Потому, что что-то немного изменилось в сердцах и умах. Вражеский десант смертников — волки против моих котят. Что с того, что лежат и они, как и должно смертникам, глазами в небо? Ведь лежу и я. Прекрасная Астора, душа моя летит к твоим рассветам, туда, где плачет, где смеется черноглазая девчонка, нежный цветок горных степей...

Смотрит на меня военный врач, бормочет:

— Командир компании, спецучет. Герой войны. Годен. В лабораторию!

Понимаю, что дошел-таки я до военных секретов, есть они здесь, как не быть! Вот она, лаборатория войны, одна из целей, ради которых был брошен десант Наблюдателей на смерть под огонь космической обороны планеты. Пора бы действовать, наблюдать. Но летит уже душа моя, и звучит в ушах чарующий голос Роны-сан:

— Прекрасная Астора приветствует тебя!..

* * *

Следующее мое четкое воспоминание — я выбил дверь. Нечаянно. Военврач озабоченно

смотрит на меня.

— Ты знаешь, что такое «год ир зэгэн»? — спрашивает он не то, чего ожидал я.

Я уже знаю, что это самое грязное местное ругательство и, конечно же, самое ходовое. У него масса смыслов, все неприличные.

— «Зэгэн» в научном языке обозначает помесь животного и человека, — усмехается военврач. — Это высмеивается в народных шутках, но возможно. У нас — возможно. Так вот ты — зэгэн. Только немного сложнее. Помесь человека, животного и машины. Сила и чутье животного. Точность машины. Универсальность человека. Ты — грозное оружие. Но спящее. Собой надо уметь пользоваться. Видел пушастиков домашних? Ты — на треть пушастик. Пока спишь — мягкий, вялый, слабый. Проснулся — сталь! Но не просыпайся зря! Зачем тебе дверь?

— Я нечаянно.

Военврач тычет в пояс, что на мне:

— Энергия. Берешь много энергии. Без пояса сожжешь себя. Хватит на два раза. С поясом больше, но нужна постоянная подзарядка. Ты грозный воин, но очень дорогой, понимаешь? Ничего ты не понимаешь, сельский болван, год ир... в того самого! Чтоб не трогал дверь!

Но я понимаю, я понятливый. Военврач хмурится, затем заявляет проницательно:

— Слишком умен! Ты не сельский. Ты, наверно, шпион? А, неважно. Теперь ты стал очень преданным нашим. Машина-матка, понятно? Без энергии помрешь. Отключим твою ячейку, и — пух! Сгоришь. Не отключим — будешь отличным воином. Десантный легион «Непобедимых». Операции в космосе и на планетах врага. Воюй, как воевал до этого, только лучше! Воюй, зэгэн!

В палате я долго осматриваю себя. Обычное тело. Почти без шрамов. И все же я зэгэн. Киборг, что ли? Да еще и с толикой животного. Пушастик домашний. Вот он, на картинке в моей палате, теперь понятно, почему ее здесь повесили. Ближайший мне родственник, если вдуматься. По виду — самый настоящий тигр, иссиня-черный, только туловище несколько короче привычных земных пропорций. Что означает, что он больше бегаёт, чем лазит. И что теперь? И ничего.

Но это оказалось не так. Что-то не заладилось у военных ученых. «Зэгэны» получились очень неустойчивыми. Я перепугался до слепой паники. Никто не в силах отнять у меня способность мыслить, так я считал. Зря считал. Приступы слепого бешенства, бешенства дикого зверя в путах, сменялись потерей мышления. Я узнал, что творится в головах животных. Ничего там не творится, вот что самое страшное. Так, картинки, мгновенные желания, расслабленная нега — и ни

одной мысли. «Зёгэны» выходили из строя один за другим. При мне застрелили соседа — он перестал различать речь. Не потому что утратил такую способность — просто лень. Я его очень хорошо понимал — сладостная безмятежность животного затягивала и манила. У животного, в отличие от человека, просто все: если идет, то именно идет, и ничего более, а если дерется, то изо всех сил, пока не дорвется до горла врага — чтоб лежать потом в неге и спокойствии. Но в отличие от своих соседей по лаборатории я понимал опасность животного состояния и сопротивлялся. В конце концов мы с пушастиком поладили, и иссиня-черный тигр заснул. Разбудить его могла только опасность для жизни — или моя ярость. Пришлось учиться быть спокойным. Что ж, я еще раз убедился, что лишних знаний — не бывает. Когда-то в юности увлекался йогой — вот и пригодилось. Только врачей стало сбивать с толку мое расслабленное безразличие. Как они заволновались! Как взялись мучить всякими проверками и испытаниями! Но я оставался спокоен: любым испытаниям приходит конец, как приходит конец вообще всему. Спокойствие оказалось условием выживания моего — и врачей. Хорошо, что они об этом не догадывались.

Ужиться с машиной оказалось намного труднее. Реальная многозадачность мозга поначалу

пугала и сбивала с толку. Идешь себе спокойно на тренировку — а машина обсчитывает одновременно десяток целей. Чертит оптимальную траекторию движения. Просчитывает возможность перехватить горло сопровождающему врачу. Воссоздает по обрывкам звуков и запахов картину происходящего снаружи. Прогнозирует цель полета десантного крыла, которое прочертило инверсионным следом полнеба... Если б задачи считались действительно одновременно, я бы не выдержал — да никто бы, наверно, не выдержал. Но оказалось, что машина считает фрагментарно: мгновенный расчет кусочка задачи — перепрыгивание на следующую — потом другой кусочек — а потом воссоздание общей картины из кусочков расчетов, словно мозаика в голове складывается. И в определенный момент щелк — решение готово. И я знаю, как перехватить горло рядом идущему и куда летит десантное крыло.

А еще меня страшно раздражал эфир. Я стал улавливать радиоволны, причем во всех диапазонах сразу. А машина — расшифровывать. В голове тут же воцарился постоянный шум и гул. Днем и ночью, во сне и на тренировках. Пока не научился выделять усилием воли какой-то один канал, путался в движениях и сбивался в ответах. Врачи, естественно, переполошились. Я к тому времени остался единственным вменяемым зёгэном, и меня

начали очень ценить и беречь. Но постепенно и с этой проблемой справился, и шумы отошли на задний план, вечное бормотание эфира стало даже приятным и успокаивающим. Всегда быть в курсе радионовостей — плохо ли? Другое дело, что интересное передавали редко, обычно всякую чушь. А я от чудовищного наплыва информации стал быстро уставать, и ложился отдыхать совсем как пушастик — в любое свободное мгновение. Похоже, привычка спать в любое время со мной теперь навсегда. И что? Ну, переполошились врачи в очередной раз, так им не привыкать. Служение науке вообще беспокойное занятие.

Зёгэны погибли, а я выжил. И всерьез задумался, почему. Скорее всего, помогло образование. Все же по сравнению с ребятами из городских окраин я оказался гораздо более подготовленным к восприятию принципиально нового. И еще меня поддержала Анико. Черноглазая девочка-танцовщица навечно воцарилась в моей душе, никаким пушастиком не убрать, никакой машиной не заглушить. И я сопротивлялся, в память об Анико оставался человеком. Это оказалось неожиданно трудно. Знаете, когда убийство ощущается как простое и надежное решение проблем, трудно воспринимать окружающих людьми. Не себя — их, вот в чем, оказывается, заключалась человечность. Для

пушастика люди казались легкой добычей, которую следовало давить и пугать. А машина, прописанная во мне где-то на субклеточном уровне, мгновенно просчитывала, как это сделать быстро и легко, чтоб потом дремать в неге.

И только Анико пела в душе и не давала мне забыться. И я остался человеком. По крайней мере, военные врачи пришли к такому заключению. Они и сами не поверили, что получилось. А я в результате задался неожиданным вопросом: а люди ли профессиональные убийцы? Мой личный опыт, к примеру, утверждал обратное.

Меня отправили на прохождение практики. Страшно не хотели — но как иначе проверить боевые качества зёгэна, как не в бою? А если что — и других можно наделать. Итак, практика войны. Учебная часть спецназа, легион «Непобедимых», операции в космосе.

Где-то там же, в космосе, наверняка незримо присутствует Санго Риот во главе корпуса перехвата вторжений. Есть здесь какие-то интересы Асторы, иначе к чему Наблюдатели? Если здесь пограничник Санго Риот, значит, здесь в каком-то смысле граница самой Асторы.

Вот теперь у меня очень непростое положение. Операции в космосе? А что, если придется сойтись в бою со знаменитыми пограничниками Санго Риота? Говорят, эти

ренегаты и отщепенцы сражаются отчаянно, выслуживая милость своей покровительницы Асторы. А ведь я не забыл, что еще и наблюдатель Границы, то есть, в каком-то смысле, и Асторы. Правда, я не понимаю, какое дело сверхцивилизации до простых житейских разборок между двумя родственными планетами. Зато знаю, что Второй Желтой до Асторы точно дела нет. Ей бы с Первой Желтой разобраться за давнюю обиду.

У меня много времени для размышлений. Практика войны — сложное и длительное мероприятие, есть возможность подумать без спешки. Подумать и решить для себя один давний, еще из детства, вопрос. Всегда, когда приходилось смотреть фильмы про наших разведчиков, у меня возникала одна и та же мысль. Разведчик, чтоб заслужить доверие врага, исполняет свои обязанности с рвением. И движется вверх по служебной лестнице. То есть, получается, служит врагу лучше, чем сам враг? И вот вопрос: а стоят ли того добытые сведения? А ведь разведчику, по логике, и зверствами надо заниматься, если этим занимаются остальные — чтоб не выделяться из окружения, чтоб подозрений не вызвать...

И я нахожу ответ — для себя. Жить по совести. Это — важней любых сведений. Я — землянин! Некому, кроме меня, представлять в иных мирах человечество.

— Санго, слышишь ли меня? — бормочу я без надежды. — Добрался я до секретов. Ты неглупый воин, Санго, значит, для чего-то они тебе нужны? Для чего-то же тебе вообще нужны Желтые планеты? Ну так слушай, мне не жалко. Здесь производят для войны киборгов, неотличимых от людей...

* * *

— Во все времена своей истории Астора придерживалась традиционного нейтралитета, — медленно говорит Санго Риот. — Тогда зачем нам Желтые планеты? Где они, за какими безднами пространства? Они ничтожны со своими конфликтами. Ядерные дикари. Космическая шпана. Зачем они нам?

Рона-сан улыбается одними глазами его наивному «нам». Стены ее Дома растворяются, и огромное небо с мириадами звезд накрывает их.

— Прекрасна Астора, — звучит голос женщины. — Высоко в горах мчит свои воды река, стоит на ее пути силовая плотина; дети приходят любоваться подводным царством горных вод, и дрожит, прогибается незримая ткань сил; живут на планете колонии мудрых Домов, берегут, защищают хозяев; мерцают защитные экраны заградотрядов, хранят от хищных взглядов соседей

хрупкую красоту Асторы; летят звездолеты и трудятся машины, собирают информацию разумные травы Информатория; наводят через бесконечность свои мосты-переходы отважные разведчики... А глубоко в космосе, в черной бездне плывут две искусственные планеты, как два полюса того, что является обитаемой вселенной. Это — тайна тайн Асторы, богатство богатств: ее мозг, ее память, ее единый вычислитель, ее хранитель всей информации. Одно из имен этой тайны — Хранилище. Весь мир пронизывают нити Хранилища, и на этих нитях записаны все знания мира. И еще: абсолютно всем на Асторе управляет Хранилище. Оно — единый и единственный мозг всех технических систем Асторы, от робота-газонокосилки до защитных экранов заградотрядов. Без Хранилища рухнет все!

— Желтые планеты — на окраине мира! — бормочет Санго Риот. — Понимаю...

— Да, — кивает Рона-сан. — В своей дерзости и агрессивности они достигли Хранилища — но посчитали его астероидом! Пока что они не смогли проникнуть внутрь. Но это пока. Хранилище необходимо защитить. Защитить, а затем увести в глубь космоса. Дальше от людей.

— Хранилище, — бормочет Санго Риот. — Надо же! Какое заурядное имя у вашей великой тайны.

— И опять ты прав в своем сомнении! — улыбается женщина. — Мы зовем его иначе. Это не просто мозг всех интеллект-машин. Это еще и наша родовая память, мудрость наших предков. Матрицы всех живших когда-то людей записаны там. И не просто записаны. Они... действуют. В каком-то смысле это бессмертие. Вы, пограничники, в невежестве зовете это информационным полем, либо астралом, даже Брахмой...

— А! Вот что это такое! — вскидывается Санго Риот. — Сказки южных морей! Это — сказки! Я слышал их в детстве, и уже тогда не верил! Да уж, Великая Тайна!

— А настоящая великая тайна всегда на виду, — серьезно замечает женщина. — Великое спрятать невозможно. По определению.

— Санго Риот встал и выпрямился во весь свой гигантский рост.

— Ну а я понимаю так, — угрюмо буркнул он. — Просто Желтые планеты уничтожили нашего общего знакомого, любимую игрушку вашей несравненной дочурки. И сейчас вы бросаете в бой весь корпус перехвата вторжений, чтоб посчитаться за женские обиды. Все очень просто.

Женщина покачала головой:

— Я ничего не могу бросить в бой. Я ничем не распоряжаюсь в вашей Границе. Что я могу? Только попросить своего мужчину... и защитника.

Я могу отправить в бой только вас.

Гигант встретился со взглядом своей женщины — печально усмехнулся и качнул головой.

— Я готов! — сказал он просто.

— Пусть будет так! — прозвенел голос женщины. — Сберегите Хранилище! Идите смело, но опасайтесь за своих бойцов! Там может действовать сила, еще не познанная вами!

— Какая Сила?! — махнул рукой Санго Риот, и глаза его на мгновение из пронзительно-красных превратились в пронзительно-желтые. — Я там все в прах развею!

И церемонно опустился на одно колено.

* * *

— Ты вправду зэгэн? — в который уже раз интересуется Непобедимый.

Ему кое-что во мне непонятно. Он в спаррингах побивает меня во всем: и на шок-ножах, и в рукопашной, и в огневом контакте. Естественно, его поставили командиром компании. Непобедимый быстро прибрал власть себе. Он помыкает молодыми бойцами и покрикивает с презрением на меня. Покрикивает, но опасается, потому что я — зэгэн. Я не возмущаюсь. Вот это ему и непонятно. Он бы на моем месте возмутился.

А я считаю — зачем? Скоро в бой. А бой все расставит по местам.

У меня хороший напарник. Я подозреваю, что он и есть настоящий зёгэн, по праву рождения — настолько сильна в нем животная составляющая. Он невероятно силен и проворен, и его ясный взгляд не затуманивают никакие мысли. В самой жестокой заварушке он лишь с легким любопытством рассматривает противников, в то время как его руки умело и добросовестно выбивают из них дух. В спецназе, к сожалению, между собой дерутся гораздо чаще, чем с врагом. Я вижу в этом прямое влияние спаррингов и прочих кровавых методов обучения искусству убивать. Потому и числюсь на занятиях самым упрямым лодырем — и проигрываю Непобедимому. Непобедимый злится на мое спокойствие, не понимает, что оно — единственная гарантия его жизни. Машина вообще-то уже сотни раз просчитала, как ему перехватить горло.

Мы лежим на глинобитной крыше сарая-казармы нашего горного учебного центра. Над нами — черное небо и мириады звезд. Здесь они бешено яркие. Я молчу и гляжу вверх. С недавних пор меня тянет в небо. С того самого момента, когда я падал из космоса на землю в аварийном модуле-крыльчатке и чувствовал себя в воздухе... безопасно, что ли? Да, это одна из граней

того странного чувства родственности с воздушной стихией. Чем выше, тем безопасней, даже если ты без парашюта. Все неприятности поджидают внизу, на земле, не так ли? А пока не упал, ты в воздухе — бог.

— Правда, что ты можешь слышать радиопередачи? — интересуется мой напарник. — Ловко устроился, тебе и приемника не надо, слушай музыкальную волну и балдей. И никакой инструктор не засечет!

Я действительно могу слушать радиодиапазон, и, чем больше тренируюсь, тем лучше получается. Я могу слышать практически все волны. Но отчетливо — только ту, которую слушаю. Иногда, невесть за счет каких чудес пространства, до меня доносятся голоса моей несчастной родины. Там всё, как и прежде: в почете воры, бандиты и торговцы, что суть одно и то же, но не я.

Внизу, под нами, очередное отвратительное действие. Моя лихая компания поймала молодого бойца. Это называется «воспитывать бдительность». Сейчас его собьют шок-ножом, а потом, оглушенного, станут с наслаждением мордовать. Интерес здесь в том, чтобы дожидаться вспышки отчаяния, когда молодой озверевает и схватится за оружие. Самый смак для лихого спецназа — бить вооруженного, но

заторможенного. Страшновато и не опасно.

Я оказываюсь внизу, даже не думая, зачем. Гулкие барабаны гремят в голове и оглушают. Ревет иссиня-черный тигр — ВРАГ! Шок-нож? Ногой его, и вдогонку свой! И веером запасные лезвия, и винтом по кругу! Тигр в глубине моей души хрипит и рвется наружу — ВРАГ!..

Компания лежит. Лежит циничный Непобедимый со своими дружками, лежат бывалые тренированные спецназовцы.

— Ну и что из того, что слышу радиоволны? — говорю я напарнику. — Какой от этого прок, если передают всякую дрянь? Я не могу найти передачу по своему вкусу, потому что ее просто нет! Всякую дрянь передают! Только голова болит...

Напарник ничего не говорит. Он озадаченно прикидывает высоту сарая, на который я машинально запрыгнул, возвращаясь на свое место. Мда, отвлекся и выдал себя. Мне еще очень сильно недостает самоконтроля. А уже скоро в бой. Слышал я пару приказов штаба. Они, конечно, шифрованные, но я как-то понимаю. Зёгэн.

* * *

— Я выдвинул корпус перехвата вторжений на боевые исходные, — угрюмо доложил Санго

Риот. — Я развернул его и против Первой Желтой, и против Второй — сил хватает. Транспорт для астероида-Хранилища находится в постоянной готовности. Ученые моего Центра разработали для захвата астероида силовой невод, он испытан и годится для транспортировки. Инструктора разведцентра отобилизованы в две штурмовые группы для захвата центров управления ядерным оружием аборигенов. Служба разведки отслеживает все действия противника.

— И что? — с легким недоумением спросил доктор Бэра.

— Я могу начинать боевые действия?

— А вы можете их начать? — внезапно заинтересовался доктор Бэра и даже слез с подоконника.

На этот раз его Дом находился на сороковом этаже жилых сотов, упасть вниз от удивления было нежелательно.

— Могу!

— Ну вот! — облегченно вздохнул доктор Бэра. — Сами спросили, сами ответили! Всегда бы вопросы решались так просто, так нет же...

И он отправился на подоконник. Командир пограничников упрямо не выключал экран. Доктор Бэра с жалостью глянул на него.

— Ну почему, чтоб убрать жалкий астероид, необходимо устроить драку? — подумал доктор

Бэра. — Вот стоящий вопрос! Задать бы его, да нельзя. Какой смысл спрашивать у газонокосилки, зачем она уничтожает траву? Санго Риот — воин, он по-другому не умеет. Все они на Границе — воины. Драчуны. Хулиганы. Бандиты. Командир пограничников, по крайней мере, хороший воин, следовательно, обойдется наименьшими жертвами.

— Что докладывает ваш корпус внепланетных наблюдений? — вежливо поинтересовался доктор Бэра.

Игру следовало доводить до конца, даже если она надоела.

Санго Риот дрогнул — странное движение в исполнении гиганта! — и доктор Бэра с запозданием припомнил, что корпус наблюдателей, кажется, не совсем удачно десантировался...

— Наблюдатель сообщает, — бесстрастно сказал пограничник, — что на Второй Желтой действуют лаборатории войны, их координаты уточняются. Продукция лабораторий — боевые машины десанта. Созданные на базе людей. Это новые для нас враги, предположительно очень опасные. Меры их нейтрализации уже разрабатываются. Мы называем их киборгами. На Второй Желтой их называют...

Санго Риот осекся. С юного лица члена Совета Асторы на пограничника глянули древние усталые глаза старика.

— Я догадываюсь, как их называют, — вздохнул он. — Извините, но я вынужден открыть вам Великую Тайну.

— Про Брахму, что ли? — не сдержался Санго Риот.

— Что вы! — отмахнулся доктор Бэра. — Это вообще не тайна, это читают детям! Но вот вам действительно Великая Тайна: Астора не боится людей. Любых людей. В любом количестве. В частности, поэтому ваш десятислойный кордон у Холма Прощаний не имеет практической ценности. Кого Астора действительно боится, так это киборгов. Не опасается, не сторонится — именно боится. Панически. Такой путь развития людей — это процветание человечества, в примитивном, разумеется, смысле — и смерть Асторы. Добавлю: отсветы первой войны с киборгами до сих пор озаряют небеса Асторы изумрудным сиянием!

— Не понял, — признался пограничник.

— Что неудивительно — ведь это наша другая Великая Тайна! Вы так желаете приказов? Вот вам мой приказ: чтоб ни один киборг не проник на священные земли! Ни один! А наблюдателя, передавшего ценнейшую информацию, наградить! Щедро! И, разумеется, он должен получить статус Пограничника. Ведь в корпус наблюдателей, если я правильно помню, вы вербуете всякое отребье, приманивая сказкой о гражданстве? Или я не прав?

— Вы правы, — признал Санго Риот. — Но... мы не знаем, кто этот наблюдатель. Он использует неизвестный нам передатчик и не использует известные нам коды. Передает открытым текстом, на мое имя. Но это не фальшивка, мы проверили. Аборигены не догадываются о нашем присутствии.

— Не фальшивка, — пробормотал доктор Бэра. — Проверили... но кто проверит вас? Да, вот еще что: ваш силовой невод не поможет. Вы сможете убрать астероид, но не Хранилище. Вообще, какая дикая мысль — ловить неводом Брахму!

— Не понял, — сказал гигант привычную фразу.

— Хранилище управляется изнутри. Есть два пути, чтоб туда попасть. Можно умереть. Матрицы всех людей попадают в Хранилище. Но, правда, не факт, что ваша матрица сможет убедить Хранилище в необходимости покинуть данный сектор космоса. Путь второй — слияние с Брахмой. Но я не понимаю, какой смысл вкладывают ваши верующие в это выражение. И, опять же, послушает ли Хранилище слившуюся с ним душу? Уж очень разные весовые категории, если говорить понятным вам языком. В общем, успехов вам, пограничник!

И доктор Бэра выключил экран.

— Так, значит, ты — зэгэн? — цедит Непобедимый.

Он уже очухался. Он уже отмылся. Он поднялся к нам на крышу казармы и теперь цедит.

— А почему считается, что ты — зэгэн? — размышляет он. — В спаррингах, например, я тебя бью.

Мой напарник жизнерадостно ржет, уставившись на деформированное лицо Непобедимого. Тем самым он подписывает себе смертный приговор, но ничуть этого не боится. Не боятся же быки неизбежной смерти на бойне.

— А это — случайность! — объясняет Непобедимый. — Никто не ожидал от старика прыти. Теперь ожидают. Побить всех возможно — но только один раз. Так в чем ты зэгэн? Слышишь радио? Но это ты так говоришь. Может, у тебя есть маленький приемник в кармане? Пояс? У тебя есть пояс. И у меня есть пояс. У всех есть пояс! Но твой — светится. Значит, хороший пояс, с лампочкой. Снайперу будет удобнее целиться тебе в живот. Так в чем ты зэгэн? В словах. Назвался сам, чтоб все боялись. Но я — не все! Понял?

Он легко спрыгивает вниз. Напарник заинтересованно швыряет ему в спину комочек глины. Прыжок! Непобедимый взлетает обратно — почти как я. Хлесткий удар — и напарник надежно

уплыл в аут.

— Вам бы подружиться, — бормочу я.

— Нет, не получится, — с сожалением отзывается Непобедимый, присаживаясь рядом. — Он к тебе привязался, животное... Такие, как он, признают одного хозяина.

И благожелательно смотрит на бесчувственного силача.

— Зачем ты служишь Второй Желтой? — внезапно спрашивает он.

Он очень непрост, этот Непобедимый. Ну, по крайней мере, он так считает. Он думает, что задал сложный вопрос. Но вопрос простой на самом деле. А вот ответ на него сложный. Нет, даже не так. И ответ простой. Ответ простой, поэтому понять его — сложно. И потому я пытаюсь уклониться от серьезного разговора.

— Думаю, главное значение имеет паек, — отвечаю я.

— У Первой Желтой паек лучше.

Это аргумент. Я долго его исследую. О правых и виноватых в этой войне говорить бессмысленно — они веками дерутся. Еще с тех пор, как жили вместе на планете под названием, как я предполагаю, Третья Желтая. И паек у Первой Желтой действительно лучше. И я не абориген, я не связан родней, родиной, детьми, традицией, наконец. Тогда почему? Непобедимый терпеливо

ждет ответа. Он для него почему-то очень важен.

— Где-то там, далеко, — бормочу я, — живет чудесная девочка. Анико очень огорчится, если я предам, неважно кого. Она съезжится и увянет — а я этого не хочу.

Непобедимый морщится и плюет.

— Что-то такое я слышал в храме! — бросает он как ругательство и уходит.

И вот первый мой рейд в легионе Непобедимых. Цель — Первая Желтая, центр военных технологий, гигантский научно-промышленный комплекс. Ну совершенно никаких военных секретов нет у планет-противниц. Два родственных народа и треплются одинаково. Вчера на Первую Желтую прибыл отряд каких-то жутко профессиональных наемников, и вот наш десант невидимой саранчой валится с ночного неба проверить наемников на прочность. При такой секретности горячий прием нам гарантирован еще на подходе. Но нам везет. На Первой Желтой какой-то религиозный праздник, им воевать некогда. Вторая Желтая тоже его отмечает, но на неделю позже — разные календари, видите ли...

Снова бесконечная высота и чувство слияния с миром — до встречи с поверхностью. Привет, мы уже здесь! В этот раз я не сомневаюсь в праве стрелять. Наемники сами расписались в смерти в

собственных контрактах! Лупит со всех стволов охрана, мечутся тени. Оружие дергается в моих руках, я бью из всего наличного арсенала — и пока не промахиваюсь. Вялый пушастик проснулся — сталь и бархат! Нет со мной сладу! Все вижу, всех бью! Пояс полыхает, перекачивая энергию. Спасай, матка, машина-мать, своего новоприобретенного сына!

Непобедимый оценивает мою эффективность и пристраивается рядом.

— Думал продаться за паек! — откровенно поясняет он. — Но лучше в следующий раз. Шумно, стреляют все, будущие работодатели могут и не понять, чего я хочу!

И мы рвемся вперед втроем: друг-напарник слева, враг-напарник справа.

Непобедимые проиграли. Неведомые наемники Первой Желтой оказались более квалифицированными убийцами, и десант растаял.

Мы втроем пробились слишком далеко, в какие-то помещения непонятного назначения. Шли по сопротивлению: что защищалось, туда и ломались. Ведь не было б ценного, тогда б не защищали? По ходу громили, что могли.

— Отходим! — хрипит Непобедимый. — К эвакуаторам, год-ир-зэгэн!

Но я-то вижу, что у нас один путь отхода — вперед. Мы проломимся почти сквозь весь

комплекс, и теперь эвакуаторы впереди нас. Непобедимый не понимает этого и бьется в коридорах до последнего. Мой напарник бросается ему на помощь. А я зачарованно смотрю сквозь стену — оказывается, я теперь и так умею. Переход. Нуль-переход, техническое чудо Границы. Плоскость вспыхивает искорками — видно, что-то случилось в глубинах Вселенной... И в это сверкание идут и идут черные воины, тащат ящики и устройства. Хотелось бы знать, откуда у ядерных дикарей нуль-переход? Трофей? Но в таком случае у них не должно быть ни одного кода выхода. За одним исключением. Есть одно место, куда сработает нуль-переход без кодов выхода. Холм Прощаний, перекресток миров, где ткань мироздания удивительно тонка и прозрачна. Наш с Анико холм, где мы играли в догоняшки так давно, в прошлой жизни...

Мы дошли до перехода. Непобедимый упал у самой плоскости, прикрывая моего напарника. Ноги его судорожно дергались, он все еще рвался в бой, но душа его, свободная от забот, уже летела к вечным небесам Асторы рядом с незамысловатой сутью моего напарника.

И тогда мне пришлось шагнуть за грань возможного.

Гулко ударили барабаны, и взревели боевые трубы — ВРАГ! У перехода осталась груда тел.

Бросок в переход! Догнать, уничтожить! Но за плоскостью меня не встретил осенней жухлой травой Холм Прощаний. Хвост вереницы черных воинов втягивался в изгиб бесконечного коридора. Туман-дыхание у ног. Миллионы переговаривающихся голосов. И что же это? Или даже — кто?

Существо взглянуло на меня мудрыми глазами доктора Бэры. Вопросительный импульс-обращение. Оно не было уверено, что человек сможет его понять — и не погибнуть при этом.

— Можно и без разговоров, — бурчу я. — И так понятно, что толпа убийц со взрывчаткой в нутре разумного существа недопустима. По определению. Война — это же крайний способ защитить мирных, а вовсе не уничтожить их, разве не так?

Снова легкий импульс. Существо полагало, что меня убьют, если я попытаюсь освободить его от проникшей внутрь заразы. Правильно, в общем-то, полагало. Где я и где машина-матка? Нет больше ревущего водопада энергии в моем поясе, и против тренированных убийц встанет обычный, очень даже смертный человек. Существо недоумевало и требовало объяснений. Но это очень сложно — объяснять очевидное. В итоге я пробурчал свое привычное оправдание, к тому же

бывшее частью правды:

— Анико обидится, если я отступлюсь. Не хотелось бы огорчить такую славную девочку.

И тут черные воины обратили на меня свое внимание...

* * *

А в разведцентре на Холме Прощаний — суета. Кто-то перехватывает — уже перехватил! — управление гнездом нуль-перехода и теперь ориентирует его в непонятных координатах! Санго Риот с группой смертников замер у плоскости перехода в полной беспомощности. Переход остался в режиме экрана и лишь показывал что-то непонятное, находящееся неведь где, в неведомых координатах. Какие-то коридоры и туман. И колонна бойцов, уходящая за поворот.

А потом Санго Риот увидел, как у плоскости экрана встал знакомый ему человек и спокойно произнес клятву пограничников:

— Здесь я еще стою. И здесь вам не пройти.

В плоскость экрана ударил шок-нож, брошенный со страшной силой. Началось! И тогда командир пограничников понял, что он видит.

— Джан! — заорал Санго Риот, вскидывая в ярости руки. — Джан!..

Его глаза вспыхнули пронзительно-желтым

огнем, а в следующий миг вспыхнуло все...

Шаг четвертый

— Джун-гари-гари-джан,
джан-гари-гари-джун! — тихо пели рослые бойцы,
уходящие в переход.

— Джан?

— Джан — это по-нашему брат, — сказал
какой-то серолицый юноша. — Мы здесь все —
братья.

— Здесь?

— На Границе, — пояснил юноша. — Тебя
выбросило на Границу, брат. Мне выпала честь
охранять сон и покой спасителя Хранилища и
защитника Асторы. Спи в мире, герой.

— Джан- гора-гира-джан! — тихо пели
пограничники, уходя в переход на дежурство в
заградотряды...

* * *

Доктор Бэра и Санго Риот шли по аллее
махровых пальм. Они впервые разговаривали как
друзья.

— Как просто оказалось попасть в
Хранилище! — рассуждал доктор Бэра. — Взять
любой переход. Ориентировать на возврат к

исходной. То есть к Хранилищу. Так просто! А мы это уже забыли. Что-то можно ведь забыть за пять тысяч лет? А варвары в невежестве своем решили, что исходная — это Астора.

— Но это не так? — уточнил Санго Риот.

— Не так, конечно! Астора — сон, чудесный и прекрасный. Всего лишь. Разве может сон быть исходной для такого множества миров?

И он легко засмеялся. Санго Риот угрюмо подумал, что вполне может быть, что доктор Бэра просто так шутит. И что он вообще никогда всерьез не говорит. По крайней мере с ним. Складывалось почему-то именно такое впечатление...

— Учтите эти сведения в своей дальнейшей службе, — отметил доктор Бэра. — Хотя... Хранилище погрузилось в себя, и боюсь, что это надолго. Больше в него нет переходов. Порвалась великая связь, и мир потускнел...

— Учту! — торжественно пообещал Санго Риот. — И надеюсь на вашу дальнейшую помощь... ну, по части сведений.

— Не надейтесь! — снова засмеялся юноша. — Я покидаю свой пост! Он теперь ваш! Кстати, поздравляю.

— А... а как же я теперь?... А вы?

— Ну, вам в чем-то поможет Рона-сан. А я... Вы никогда не задумывались, почему в пространстве Асторы мало мужчин? Задумайтесь.

И — удачи вам, защитник Асторы! На прощание я отвечу на любой ваш вопрос, таков мой подарок. Вы же всегда хотели меня о чем-нибудь спросить!

Санго Риот обиженно глянул на него.

— У меня действительно много вопросов, — признал он. — Но теперь, после ваших слов... Лучше я разберусь сам. Вы все равно ничего не объясните, только запутаете еще больше. И всегда надо мной смеетесь!

Доктор Бэра тепло улыбнулся:

— Тогда прощайте, мой друг!

И он ушел, оставив пограничника с чудовищным грузом забот.

Пограничник сердито посмотрел ему вслед. Рона-сан, значит, поможет? А как она может помочь, если ее не найти? На прекрасной Асторе не было ничего похожего на общественные службы связи. Сами асторяне как-то между собой общались, но Санго Риот даже о встрече с любимой женщиной договориться не мог. Все, что он мог, это приходить сюда, на аллею розовых пальм, и бродить в ожидании. И иногда Рона-сан появлялась. Такая ситуация гиганта раздражала, и он неоднократно пытался принять привычные меры. Что может быть проще, чем обронить маленький жучок в Доме несравненной Роны-сан? Ну, обронить действительно оказалось несложно, сложно было дожидаться сигнала. Еще лаборатории

Границы предлагали своему военному лидеру богатый выбор следящих и связующих средств — компактных, малозаметных и абсолютно надежных. Санго Риот занес их на Астору немерено. Проблема та же — нет сигнала.

У берега моря двое подростков ожесточенно спорили, не обращая внимания на то, что уже ночь, то есть недетское время вообще-то. Санго Риот привычно дернулся вызвать полицейский патруль, чтоб те разогнали молодежь по домам, но вовремя спохватился. Здесь не Граница, здесь Астора. Спорят? Ничего не значит. Может, они вообще научную проблему так обсуждают. Без знания языка не понять, а язык выучить невозможно. Кричат и размахивают руками? Тем более ничего не значит. Асторяне в разговорах и не пытаются скрыть или пригасить эмоции, приходилось неоднократно наблюдать и не такое. В любом случае здесь Астора, и подросткам ничего не грозит. К ним никто не подойдет с недобрыми намерениями, как не подходили к Санго Риоту, хотя он чужак и наверняка не раз нарушил какие-нибудь местные традиции.

Подойти к подросткам и спросить с дебильной улыбочкой, не знают ли они, как связаться с Роной-сан? Так подходил уже и спрашивал, причем неоднократно. В ответ — удивленные лица и совет обратиться к своему Дому. Только кто бы

подсказал, где его взять, этот Дом?! Подойти спросить у подростков? Спасибо, спрашивал, больше не хочется. Только жалостливые взгляды в ответ и молчание.

— Рона-сан! — наконец рассерженно позвал он.

Было у пограничника подозрение, что каждый его шаг контролируется кем надо. Санго Риот, к примеру, знал почти обо всем, что творится в Границе, почему на Асторе должно быть иначе?

Рона-сан вышла из розовых теней, когда он уже отчаялся ждать. Пограничник довольно улыбнулся — верна оказалась его догадка о тотальном контроле! — но перехватил растерянный и виноватый взгляд женщины и понял, что поспешил с выводом. Не к нему шла на свидание восхитительная арт. У гиганта непривычно защемило сердце.

Они медленно шли по аллее махровых пальм.

— Я... сочувствую вам, — тихо сказала Рона-сан. — Доктор Бэра покинул нас так внезапно. Теперь на вас огромный груз. Груз решений.

— Он сказал, что вы будете помогать мне, — напомнил Санго Риот.

Женщина печально улыбнулась:

— О да! Я готова сделать все, что могу. Но что я могу? Я всего лишь арт. Это очень много... но не в вопросах войны. Хотя кое-что полезное для вас

я действительно могу сделать!

Санго Риот внезапно почувствовал холод в груди и слабость в ногах. Нет, конечно же, нет, это был не страх! Но что-то очень похожее.

— О мой бронированный рыцарь! — засмеялась женщина. — А вы, оказывается, умеете предчувствовать? Я вас недооценивала! Да, вы правильно догадались — я тоже вас покидаю! Отныне вы — единовластный и единственный Защитник Асторы! Удачи вам на трудном посту!

— Не бросайте меня! — в отчаянии сказал гигант. — Прошу вас.

— Мир меняется, — серьезно сказала женщина. — И на Асторе тоже все меняется, хотя это и не так заметно постороннему. Жизнь неповторима. Неповторима, понимаете? И движется дальше. Касательно вас это обозначает...

— Я не смогу без вас, — пробормотал Санго Риот упрямо.

— Я не смогу с вами, — тихим эхом откликнулась женщина.

— Но мы могли бы иногда встречаться по делам безопасности Асторы!

— А вот ваш друг не унизился до просьб о подачке, — отметила женщина отстраненно. — Он предпочел корпус наблюдателей за чашку еды.

Санго Риот опустил голову.

— И еще... — нерешительно сказала

женщина, — на прощанье: иногда у вас другие глаза. И другой вы. Я думаю, это очень, очень опасно. Ваше иное Я на Второй Желтой...

— Нет ее больше, — смущенно буркнул Санго Риот. — В пыль.

Женщина кивнула:

— Это подтверждает мою догадку. Разберитесь с ним. Неподконтрольная тяга к разрушению — вовсе не то качество, которое допустимо проявлять Защитнику Асторы. Обещаете?

— Да, — не поднимая головы, отозвался Санго Риот.

И женщина ушла, оставив его с чудовищным грузом забот и непривычной болью в сердце.

Там мы и встретились, на аллее махровых пальм. Санго Риот был прав в своих подозрениях: на Асторе действительно ничего не проходило мимо внимания кого надо. Я же в последнее время все лучше слышал тихие переключки и разговоры Домов — так почему бы не подойти к тому, кого я считал своим другом, в трудный для него час?

Так что — аллея махровых пальм. Многоцветное небо. Тишина звенящая. Ночь. Боевому лидеру Границы давно пора спать — но Санго Риоту теперь не до сна! И мы просто ходим и разговариваем.

— Эти варвары, — бормочет он, — лезут на

Астору с диким, совершенно необъяснимым упорством! Изо всех щелей. Что им здесь надо? Мы, пограничники, конечно, на посту. Взять, к примеру, те же Желтые Планеты... хотя там и брать нечего, так, пыль всякая по орбите... Но они лезут по-прежнему, теперь вот другие! А это значит — изобретают другие, неожиданные уловки, к которым мы не всегда готовы! Ресурсы Границы не бесконечны! Мы гибнем и гибнем. А количество жадных до Астору миров не уменьшается! Что делать?

Пограничник поворачивает ко мне яростное лицо:

— Вот ты! Ты же обычный человек? Не силач, не гений единоборств, нет? Как ты смог пройти в Хранилище?! Защитить его? Уничтожить черных бойцов, таких же варваров, как и ты? Как ты смог? Кто ты?!

— Землянин? — предполагаю я.

Санго Риоту вовсе не обязательно знать, что я уже не совсем человек. С него станется загнать друга в лабораторию на предмет разборки для тщательного исследования.

— Землянин, — успокаивается гигант. — Это объясняет, да! Отсюда идея: я найду землян, подобных тебе, для защиты Границы от варваров, подобных тебе же! Ты будешь моим представителем в вашем мире. Вербовщиком.

Я не задумываюсь ни на секунду:

— Нет. И еще раз нет. Я не вербовщик. И не бандит. Не вор и не торговец.

— Надо же, кто бы мог подумать! А кто ты?

— Бывший воспитатель детского сада.

— Тогда ваши детсады — это что-то чудовищное! — заключает Санго Риот. — Получается, все меня бросили?

На высокий ответственный пост, — вставляю я.

— Угу. А вы куда теперь, бывший воспитатель детского сада? — ехидно интересуется Санго Риот.

Ну, у меня запланирован длинный отпуск, — улыбаюсь я.

Вообще-то добрая Анико предполагала, что это будет для меня сюрпризом. Но я слышал переговоры Домов и знал, что одно из этих чудных существ по просьбе юной арт согласилось из любопытства стать моим жилищем. И прямо сейчас заходит неподалеку на посадку.

Вот и он. В конце аллеи свернулось стальной улиткой удивительное существо. Мой новый Дом. При нашем появлении он зажигает габаритные огни, откидывает входной люк и приподнимается над дорожкой.

— Здравствуй, Дом, — говорю я. — Я твой новый жилец, верно? Надеюсь, мы станем

друзьями?

— Мы уже друзья, — откликается Дом, удивленный моей осведомленностью. — Привет, хозяин! Куда направимся?

— Ну, перед нами весь мир, — улыбаюсь я.

— Весь мир? Любопытный маршрут...

Поехали.

Дом принимает меня в заботливые объятия, и мы убываем, оставив на аллее Санго Риота с чудовищным грузом забот, щемящей болью в сердце и черной завистью ко мне в страстной гоэмской душе.

* * *

Только когда обзавелся собственным жилищем, я понял, какого высокого мнения обо мне Анико. Она подарила мне Дом не задумываясь, абсолютно убежденная в том, что я справлюсь с его управлением. А я без аналитической мощи зёгэна шагу в нем ступить не смог бы! Причем в прямом смысле. Заходишь в тамбур — и упираешься в глухую стену. Помещений — нет. Их, оказывается, надо проектировать. А чтобы спроектировать, сначала понять, чего тебе, собственно, хочется. И это оказалось гораздо труднее, чем обнаружить виртуальный экран проектировщика и перечень общепринятых модулей. Кто не верит, может

попробовать сам. Вот вам виртуальный экран, кстати, заменяемый простым ватманом — и? Каким вы представляете себе Дом, если учесть, что это не только место отдыха, но и средство передвижения, и место работы, и узел связи, и собственный ресторан, и бальный зал, и спорткомплекс — короче, все, что требуется для полноценной жизни? Вот то-то же. Задача на месяцы работы проектного бюро на моей несчастной родине.

Но я — зёгэн, и пытаюсь справиться.

Дом благожелательно наблюдает. Нет, он не против помочь — но для этого я должен задать конкретный вопрос или поставить конкретную задачу. Он же не знает, чего я хочу! А чтоб задать правильный вопрос, надо для начала самому понять, чего тебе хочется...

Или вот еще проблема — движение. Дом — транспортное средство, помимо прочего. Как им пользоваться? Сидеть за рулем? Как бы не так. Элементов управления у движителей Дома побольше, чем у самолета — а экипаж поменьше, то есть один я. Можно, конечно, отдать распоряжение Дому голосом — но мир хотел смотреть я, не Дом, значит, мне и рулить. Это я в том смысле, что цели обычно во время движения и появляются. Едешь, видишь что-то интересное и поворачиваешь...

И информационные системы в Доме оказались

структурированы так, что не сразу поймешь. И не сразу — тоже не поймешь...

Но я — зэгэн, и я в конце концов понял. Понял, что асторяне сознательно отказались от упрощения. Сначала я тихо злился на пижонство сверхлюдей, потом задался вопросом: а зачем все в жизни упрощать? Зачем все упрощают на моей несчастной родине, например? Чтоб бытовой техникой мог пользоваться даже дебил, вот зачем. Чтоб за руль мощной машины мог сесть тип с полным отсутствием интеллекта. Чтоб было легче. То есть — подстраивают под самый низкий уровень. Отучают людей думать, напрягаться, понимать. Растренировывают. Тянут всех к сообществу дебилов. Вот такой неожиданный вывод.

Далеко не сразу мне стали видны плюсы такого сложного устройства жизни. Даже до зэгэна далеко не сразу дошло, что сложность управления прежде всего дает понимание того, чем управляешь. Своего рода обучение. Долгое обучение, тяжелое — но, как я заметил, асторяне живут не долго, а очень долго — и потому никуда не торопятся. Языку, к примеру, они учатся всю жизнь — и по уровню владения могут довольно точно оценить друг друга.

В общем, Дом меня сильно удивил. Живя в гостях у Роны-сан, я как-то не задумывался, откуда, к примеру, берется в Доме еда, вода, или зачем

Дому целый парк роботов. И как решается вопрос с детскими садами, школами, больницами, если кроме Домов других сооружений на Асторе нет...

Что меня не удивило, так это одиночество. Я и раньше подозревал, что наличие Дома с коренными асторянами не сближает, теперь получил подтверждение догадки. Жизнь в собственном Доме — воплощенное одиночество. Чтоб оно кончилось, необходимо только одно — интерес асторян к твоей персоне. Собственно, и на моей родине было так же: наличие дома от одиночества не спасало, а усугубляло. Нет, между собой асторяне дружили, и очень даже бурно, разнообразные объединения Домов возникали и распадались, Дома перемещались по всему континенту только для того, чтоб кто-то встретился с кем-то. Но меня это не касалось. Кому я мог быть интересен? Я даже не понимал, чем асторяне занимаются. Наверно, кто-то занимался и такими, как я — варварами. Но для этого исследователи уходили в Границу, как Рона-сан. Изучали нас, так сказать, в естественных условиях.

Пожалуй, последнее утверждение не совсем верно. Мной все же интересовались. Я постоянно слышал легкие шепотки Домов. Они болтали обо всем, и я без стеснения слушал. То, что не было предназначено для чужих ушей, передавалось по особым каналам и шифровалось. Особые каналы я

тоже мог слышать — но зачем? А в общей сети обо мне говорили часто — в форме одного и того же вопроса моему Дому. Мол, а чем занимается твой хозяин? Как ничем?!..

Пространства Асторы не приветствовали тунейдцев, это я осознал сразу.

Дом решил на вопрос, когда я уже был готов к ответу. Как чем я буду заниматься? Тем же, чем и на своей несчастной родине. Я же — бывший воспитатель детсада, существо экзотическое не только здесь, но и у себя дома.

Дом не понял. Как это — исследовать воспитание на Асторе применительно к варварам? Разве это не опасно, не жестоко, наконец? В любом случае — необдуманно. Никто на Асторе не позволит ставить такой эксперимент на человеке.

— А на себе? — спрашиваю я.

Дом озадаченно замолкает, и остальные Дома тоже.

И я работаю, работаю до желтых кругов в глазах. Информация обрушивается на меня лавиной — море, океан информации! И постепенно раскрывается история становления сверхцивилизации — пока что только самый краешек, самые интересные кусочки. Если б я не был зёгэном, я бы сошел с ума от напряжения. Но машина внутри меня безошибочна, и я продолжаю работать.

Дом сам перемещается куда-то — я не вмешиваюсь, не до того. Только благодарю его, когда вдруг обнаруживаю снаружи чудесное заповедное озеро в горах, или цветущую степь, или задумчивую тишину садов. Дому приятно делать мне маленькие сюрпризы.

Несколько раз в информационных течениях мелькает символ Роны-сан. Я не делаю попыток напомнить о себе — великая арт поглощена работой. Теперь, когда я работаю сам, я понимаю, насколько она занята. И Анико занята не меньше ее.

И только через несколько месяцев я сдаюсь. Не то чтобы у меня ничего не получилось — наоборот. Но мои труды бесполезны Асторе. Зачем ей приемы обучения и воспитания варваров, если ни одного варвара нет в пространствах Асторы? Даже я не в счет, потому что я не варвар, а зёгэн. А Астора не приветствует тунеядцев.

Дом вместе со мной остро переживает неудачу. Мы крепко сроднились с ним за эти месяцы. Он меня зауважал. А я — его.

— Куда ты теперь? — спрашивает Дом.

Я напоминаю ему, что в Границе есть такое формирование, как корпус Наблюдателей. Там постоянная нехватка кадров.

— Корпус Наблюдателей? — прикидывает Дом. — Арктур или Голубая Вега?

— Арктур, — легко решаю я.

Почему нет? Где бы я ни находился, мне не изменить своей сути, и я по-прежнему останусь землянином. Ну а одиночество — оно всегда со мной, в любом из миров.

И мы берем курс к Холму Прощаний.

* * *

Санго Риот во власти, оказывается, не очень приятный тип. И попасть к нему непросто — бюрократия стеной. Но у меня веская причина для встречи, и я прошел.

— А, явился, бывший воспитатель детского сада! — язвительно поприветствовал он меня. — Тот, который не вор и не бандит! Хотя чем ты отличался от них на Второй Желтой, кто бы мне объяснил, э? А, ладно, не до разговоров, извини уж вора и бандита. Некогда мне, приходи позже, э?

— Я слышал, сигнал тревоги был? — поинтересовался я вместо спора.

— Не мог ты слышать сигнала, он по внутренней сети прошел!

— А по какому поводу общая тревога? Просто так, чтоб не расслаблялись, или есть причина?

— Твои черные воины захватили базу седьмого заградотряда! — заявил Санго Риот гневно. — И сейчас мы будем их вышибать! Кстати, как ты прошел в разведцентр? И что тут

делаешь?!

Его глаза горели восхитительным красным огнем.

— У меня подготовка для ближнего боя, — сообщил я. — Дай оружие и место в группе.

— Как ты прошел в разведцентр?!

Но оружие и место в группе я получил. С ним можно было ладить, с Санго Риотом во гневе, и это вызывало сомнения в искренности его гнева.

План боя был прост до неприличия. Нас выбрасывают на базу в случайных местах — и вперед, в смертельную игру! Центр управления гнездами нуль-переходов находился под контролем врага, поэтому выброска имела всякие...варианты. Один из неприятных — попасть под огонь своей же автоматической системы защиты. Самый хороший — попасть в центр управления и все там поломать. Правда, хороший вариант предполагал несомненное наличие и плохого — автоматическая система защиты, собственно, этот самый центр и защищала.

— Я-то пограничник! — заявил мой напарник. — Защищать Астору — мой долг и моя работа. А тебе здесь нечего делать, варвар. Иди отсюда. Здесь тебе не дадут лишнюю тарелку еды, здесь убивают.

Себя он, конечно, полагал бессмертным. Он закрыл мне переход. Накачанная фигура, высокий, естественно, рост, самоуверенная улыбочка на

откормленном лице. Даже в смертельно опасной операции он не желал делиться теплым местом с чужаком. Цепной пес Асторы.

— Да, ты пограничник, — покладисто согласился я. — Вот и иди первым. А я — вторым, потому что лучше тебя в ближнем бою. Будешь беречь меня для ближнего боя, прикрывать собой. Вопросы есть?

Вопросы и активные возражения, конечно, были, но тут началась заброска, и мы попали под огонь автоматической системы защиты. Что же она не сработала против десанта черных воинов? Прав Санго Риот: идут иные и изобретают новые уловки, их не остановить.

Мой напарник упал, прикрывая меня. Тактильную взрывчатку вперед — подавитесь! Дверь центра управления — вдребезги! Здравствуйте, я пришел!

Оружие дергалось в моих руках, а мир поплыл куда-то, закачался. Как тогда, в крушении поезда, на далеком юге моей несчастной родины. Может, я там и есть? Может, все, что было, есть сон и бред за миг до смерти? Как и тогда, я сумел подняться с колен. Оставшихся в живых врагов это почему-то испугало.

— Здесь я еще стою...

Слова давались тяжело, но мне казалось важным сказать их врагам перед смертью. Сказать,

чтоб объявить себе и врагам: есть кое-что гораздо более важное, чем смерть. Мне кажется, они поняли меня — за миг до того, как взорвались остатки тактильной взрывчатки...

— Зачастил ты в госпиталь, дружок! — странно усмехаясь, заявил мне Санго Риот. — Надо бы тебя вылечить. Окончательно.

— Неважно, где я — все равно сын своей планеты, — пробормотал я невпопад. — И всегда был им...

Видимо, разум мой все еще бился в коридорах базы заградотряда.

— Конечно, а как же, — пряча глаза, согласился Санго Риот. — Ты... выздоравливай. Тобой сейчас доктора займутся. Очень хорошие в своем деле...

Забавный он, Санго Риот. Совсем не умеющий врать. Я даже в полумертвом состоянии понимаю, что мой прорыв в центр управления не мог не вызвать недоуменных вопросов у профессионалов. И профессионалы сейчас меня не лечить будут, а получать ответы на свои вопросы.

Они изучали меня, просвечивая приборами, словно не понимая, какую причиняют боль. Или, наоборот, очень хорошо понимая? Зёгэн, в этом все дело. Тело прежнее, но лишь внешне. Может, его вообще нельзя лечить? Кто скажет? Погибла Вторая

Желтая вместе с Первой, сгорела в пламени гнева Санго Риота, и нет в живых тех врачей, которые стали для меня Создателями. А больше никто, наверно, в зёгэнах не разбирался.

Боль же была нескончаемой. Доктора-то могли подменивать друг друга, в отличие от меня. И тогда я сделал то, что мог. Забрал остатки энергии из пояса, вынес дверь-диафрагму, и очень скоро нерушимый барьер Асторы встретил меня теплым ветром. А куда мне еще было идти?

Астора моя, светлая песня, факел прекрасный во мгле мироздания — здравствуй! Ухожу от тебя окрыленный, без сил — к тебе припадаю. Как мне без тебя? Ты — нить моей жизни, пока ты сияешь, не гаснут надежды...

Я поднялся с колен. Над скалами, над темными заповедными лесами пылали небеса Асторы. Изумрудный пожар охватил небосвод, и в нем, не теряясь, поразительно ясные, горели золотые звезды. Миг — вся цветовая симфония неба хлынула вниз, отразилась в зеркальной глади горного озера — и темные скалы заиграли бликами зеленого, синего, желтого цвета...

Воспетая в веках, заря Асторы была прекрасна, но быстротечна. Всего несколько мгновений, и темно-изумрудные небеса пронзительно засияли, просветлели почти до

невидимости — и взошло светило. Я посмотрел вниз и не смог сдержать улыбку. На чистейшем золотом песке запретного пляжа черной улиткой уместился Дом и, деловито выкинув хобот, засасывал из заповедного озера хрустально чистую воду — вместе с рыбешками.

— Дом? — окликнул я его по радиосвязи.

Дом встрепенулся, узнал — и с радостным гулом помчался ко мне. Вблизи он преобразился в знакомое мне строение — я сам недавно проектировал его таким. Только прибавилась небольшая дорожка — красивая и гарантированно очищающая обувь от грязи. Дом был ненормально чистоплотным.

Дверь Дома несколько изменилась со времени нашего расставания, а именно — приобрела несокрушимость.

— Меняешься, — кивнул я на дверь. — Броней зарос. Это вы так стареете, что ли?

— Класс повысили, — откликнулся Дом, как всегда, умолчав, кто именно принимает решения по Домам. — За удачное сотрудничество с одним удивительным варваром. Моему классу многое позволено. Для нас, Домов, это просто — на один день в мастерские, и порядок.

Дом замялся.

— А... э... а в каких же мастерских вас угораздило? — осторожно поинтересовался он.

Дом выглядел огорченным, насколько это можно было заметить, сидя в горячей воде в туалетном модуле.

— В каком смысле?

— Хозяин, вы связались со мной, не используя устройств.

Я молчу. Я действительно сделал это. Дом — не Санго Риот, с ним можно быть откровенным. По крайней мере, я так считал. Но вот столкнулся с необычной реакцией Дома и теперь не знал, что и думать.

В молчании я поел странной асторянской еды, посмотрел новости по версии народов южных морей. Самая главная новость для меня оказалась — на побережье Золотых Песков начинается фестиваль. Межпланетный. А я и не знал, что Астора принимает гостей из иных миров.

— На Асторе нет законов, как вы уже догадались, — наконец заговорил Дом. — Но есть... традиции. Они надежней законов, потому что впитаны каждым... с песней?... с молоком матери? Их знают — и свято соблюдают. Соблюдают все. И дети. И несогласные.

— Ну и?

— На Асторе нет машин, как вы наверняка заметили. Мы, Дома, выполняем все их функции — но мы живые полноразумные особи, а иных нет. На Асторе попытка стать киборгом — кощунство. И

смертельная опасность для всех. Их существование в пространствах Асторы недопустимо.

— Почему?

— Традиции, — виновато вздохнул Дом. — Наша цивилизация уже знает, что такое бунт тварей от машин — год ир зэгэн, если вы понимаете. Киборги — угроза самому существованию Асторы.

— Но на Асторе нет наказаний в принципе, — сказал я после долгого молчания.

— Нет, — печально согласился Дом. — В последний раз киборгов просто уничтожили. Это были, кажется, туристы с Гоэмы. Встроенные блоки памяти, ночные глаза и еще кое-что по мелочи. Кстати, война с Гоэмой началась как раз из-за этого.

— Что-то я не припоминаю, чтоб встречал на Асторе службу безопасности. Или я ошибоюсь?

— Не ошибаетесь. Грязными делами занимаются ваши коллеги-пограничники, что следует из самого их названия.

Я пограничником не был, но что это меняло? Дом вежливо молчал.

— Что ж, — вздохнул я. — Отдых не состоялся. Пойду я отсюда?

— Мы окружены отрядом погранслужбы, — лаконично сообщил Дом.

Я взлетел в боевую стойку, не успев осознать его слов. Дом деликатно загладил вмятину от

толчка моих ног. Воистину, идут иные со своими уловками! Как пограницы проникли на Астору? Дыряв несокрушимый барьер, оказывается...

— На крыльце ваш друг, командир погранслужбы, защитник Асторы Санго Риот, — доложил Дом. — Один и без оружия. Впустить?

— Послушай, Дом, — опомнился я. — А ты-то за кого? Ведь ты же плоть от плоти Асторы!

— Мы, Дома, живем сами по себе, — сухо ответил Дом. — Традиции нам не указ. Мы подчиняемся только нашему родичу Хранилищу.

— Родичу? Хранилище — твой родич? Ну надо же, как сложно у вас с родственными связями... Ну, раз так, впускай!

Санго Риот перекрыл весь дверной проем — черный гигант с кровавыми глазами. С кровавыми...

— От кого броней закрылся? — рывкнул он на Дом. — Воров опасаясь?

— Опасаюсь! — тут же склочно ответил Дом. — Ходят тут всякие с излучателями...

— С двадцатью пятью излучателями, — поддакнул я.

— А ты бы помолчал, зёгэн! — оскалился на меня Санго Риот. — Не проявляй сущность!

— Присаживайтесь, посланник людей, — предложил Дом и странно пояснил:

— Фактически вы пришли на переговоры ко

мне.

— Сначала убери броню, улитка! — буркнул Санго Риот, но сел.

Мне было его немного жалко. Он гремел, неистовствовал, чтоб скрыть растерянность и нежелание расправляться со мной. Но что он мог поделывать, раб должности? Вражда — это те же рельсы. Раз ступишь на них — и поедешь в указанном направлении, неважно, вперед или назад, все равно на рельсах. От вражды к дружбе дороги нет. Разве что через крушение?

— Эй! — забеспокоился Дом в радиодиапазоне. — Хозяин, без рукоприкладства! А то у вас глаза какие-то нехорошие...

Что ж, глаза можно и прикрыть. Временно.

— Объяснитесь, — сухо предложил Дом пограничнику.

— Это существо, — подавив гнев, заговорил Санго Риот, — работало нелегально на Второй Желтой. Видимо, там оно и подцепило машинные функции. Я начал подозревать его после боя на базе седьмого заградотряда. Оно прошло там, где смертным ходу нет. А затем оно защитило себя от всех видов дистанционного изучения, разнесло защитные системы госпиталя и убыло на Астору. И нерушимый барьер почему-то пропустил его!

— Хозяин, вы действительно все это сделали? — уважительно поинтересовался Дом.

— Я хотел успеть к рассвету Асторы, — признался я.

— Тогда претензии пограничников справедливы, — признал Дом. — М-да. С другой стороны, барьер Асторы никогда не ошибается. Никогда!

— А погранцы с излучателями?

— Никогда, — твердо повторил Дом. — Пограничники имеют право здесь быть. Иногда. Кто-то должен выполнять для Асторы грязную работу.

Санго Риот, допущенный к нашему разговору, страшно посинел. Я увидел пакет зашифрованного сигнала, посланного им оцеплению. Багровые точки излучателей медленно стянулись в группу и удалились во тьму. Дом довольно хмыкнул, я тоже.

— Я вынужден проконсультироваться по столь сложному вопросу с компетентными сущностями, — заявил Дом. — Решение Домов будет готово к утру. А сейчас от своего имени я предлагаю вам быть гостем Асторы.

— Я не гость, я гражданин! — возмутился Санго Риот.

— У вас нет своего Дома, — резонно возразил Дом. — А без него ваше звание — не более чем похвала способному ребенку, некий аванс и обещание на будущее. Да, вы несомненно гражданин Асторы! Но не станете же вы ночевать

под кустом?

— Я подожду ответа Домов в разведцентре, — благоразумно решил Санго Риот.

Он гордо удалился под наши с Домом усмешки.

Глубокая ночь. Дом с кем-то беседует по каналу дальней связи, пакеты символов фиолетовой лентой мелькают перед мысленным взором. Собеседник Дома обладает всеокрушающим интеллектом и бессовестно давит объемом информации. Дом изнемогает, но из самолюбия не просит пощады. Я пытаюсь понять диалог, но могучий собеседник управляется слишком быстро и исчезает без традиционных наилучших пожеланий.

— Кто этот хам? — любопытствую я.

— Давай спать? — вяло предлагает Дом. — Что-то я устал...

— А я нет, — упорствую я. — Дай адрес твоего партнера, хочу потренироваться в обмене.

— Хранилище само выбирает партнера.

Так это было Хранилище?!

— Да.

И Дом выключается, заблокировав каналы связи символом «я сплю». Ему сегодня досталось. Оказаться в кольце недружественных излучателей — тяжелое испытание для бессмертного существа. А он еще и до Хранилища сумел докричаться.

Стих шум в эфире. В долине у моря заснул гигантский Город Фонтанов, слетевшийся на межпланетный фестиваль, и эхо бесчисленных переговоров перестало будоражить пространство. Я долго слушаю тишину в надежде уйти за барьер сна... Нет. Боль от незаживших ран вспыхнула в груди. Из темноты с топотом прибегают служки, что-то кладут на грудь, суетятся. Боль медленно отступает. Дом сквозь сон бормочет служкам что-то нелестное насчет ротозейства и отключается. Засыпаю и я. Ко мне приходит сон — или я прихожу к нему?... Над торговым центром подземного города висят легкие облака. Приезжие наивно считают их оптической иллюзией. Жители Города иллюзией их не считают, потому что точно знают, что они настоящие. Но и не обращают на них внимания. А смысл? Все равно в подземном городе не может быть дождя. Поэтому ливень обрушивается внезапно, прямо на красочную гигантскую толпу. Толпа проворно всасывается в магазины, кафе и зубоврачебную клинику. На спирали лоджий, опоясывающих все тридцать этажей торгового центра, высыпают люди и энергично машут руками — и кулаками — в сторону башни управления погодой. Лишь электрики-верхолазы скромно помалкивают — именно они ночью таскали дождевальные установки с товарной станции под купол торгового

центра. Громкая связь прокашливается и елеиным голоском дежурного сообщает, что дождь устроен по просьбе атмосфериков, не справляющихся с запыленностью воздуха, и что дождевое предупреждение все же было — на последней странице местной газеты, в самом низу и очень мелким шрифтом. И кто виноват, что местную прессу не жалуют вниманием? А виновница невнимания к местной прессе бодро шагает по лужам и солнечно улыбается знакомым, то есть всем встречным, потому что ее знают все. Она — ведущая местного телевидения, да такая, что никаких газет не требовалось. Зачем читать газету, если Наташа все нужное расскажет и так, да еще весело, с непередаваемой иронией и изяществом?

Мы встречаемся с ней в центре площади.

— Учитель? О, учитель, здравствуй! Давно не заглядывал к нам, а у нас столько нового! Механики наконец отладили волновые эскалаторы! Это просто чудо какое-то — возносящая волна! А с грузовыми лифтами у них, конечно, ничего не получается, мэр Города в ярости и грозитя сам перейти в испытатели! А в центральном парке декоративная камнеломка заползла на мозаичные полы, биологи в экстазе и не позволяют ее трогать — и инженер автоуборщиков собрался натравить на биологов опять же мэра... А на пляже готовят новый групп-танец... Учитель? Ты вернешья,

учитель? Твой Город живет и ждет тебя, помни об этом!

— Вряд ли, красавица, — вздыхаю я. — У нас тут война.

— Война? Но она же кончится?

— Как? — хмуро бормочу я.

Она печально опускает глаза, и мне становится неловко. Я не должен задавать такие вопросы своим ученикам, я должен на них отвечать.

— Прощай, арт, — говорю я.

— Арт? Не понимаю.

— Арты понимают все.

Я еще успеваю увидеть ее удивительную светлую улыбку, и Город исчезает...

Потолок Дома открыт. Я лежу и смотрю в ночное небо Асторы, все в звездах — далеких голубых и близких желтых. Кажется, протянешь руку — и на ладонь опустится теплый огонек...

— Что это было? — тихо спрашивает Дом.

Сейчас, когда правда открылась, он не стесняется заглядывать в мои мысли. Почему нет, он же обменивается с другими Домами информацией? Чем я хуже Дома?

— Сказка, — бормочу я неохотно. — Была у меня одна задумка насчет подземного города. Города, в котором мне хотелось бы жить. Я выдумал его полностью. А здесь, на Асторе, открыл, как привести в этот город своих учеников.

Он обрел жизнь — но только в моих мечтах. Так что... сказка.

— Мне было б любопытно пожить в твоём городе, — признается Дом. — Но... сказка. Жаль.

* * *

— Прогуляемся? — предлагаю я Санго Риоту.

Он угрюмо соглашается. Похоже, аллеи розовых пальм стали вызывать у него неприязнь? С чего бы это?

— Я встречался с Роной-сан, — сообщает он. — Так вот, она заявила, что по оценке Хранилища ты — человек!

— А разве нет? — изумляюсь я.

— А умение слышать радиоволны?

— Ерунда! Приемник в кармане. Бывают же маленькие приемники?

— А блокировка диагностеров в госпитале?

— Аппаратура дрянная, сломалась вся сразу, я тут ни при чем.

— Да наша аппаратура, чтоб ты знал!.. А сломанные диафрагмы? А чудеса в бою на базе седьмого заградотряда?!

— Ну... чего не сделаешь со злости?

Он бешено захрипел — и успокоился. Все же удивительное торможение у выходцев с Гоэмы.

— Вот как это понимаю я, — сообщил он

почти что буднично. — Есть на Асторе чудесная женщина, Рона-сан. А у нее — любимица дочь. Никто ведь не может слышать Хранилище, верно? Никто, кроме артов. И что мешает артам самим придумывать, о чем там вещает Хранилище? Рона-сан сказала, что ты человек. А ей сказала дочь. А я, дурак, слушаю.

— Пусть так, — мягко соглашаюсь я. — От этого что-то изменится?

— Нет, — с трудом признает Санго Риот. — Я не смогу пойти против воли Роны-сан, потому что... Но знай — я тебе не верю!

— А кому ты веришь?

Разговор становится мне неприятен. Но это игра, а игру положено доводить до конца. Или не положено? Опять рельсы...

— Я верю себе! — загредел Санго Риот. — Я верю своим глазам! Я...

— Каким своим глазам? Желтым или красным?

Санго Риот цепенеет в замешательстве, и я добавляю:

— Желтым глазам и я верю. Но у тебя сейчас — красные. Так не пора ли уточнить, кто именно из нас киборг?

— Меня пропускает барьер Асторы!

Я с иронией смотрю на него, и он синееет от стыда. Лучше отвернуться, такое зрелище не по

моим нервам. Гигант долго мнется, но все же решается объяснить кое-что объяснить.

— Страшна великая Гоэма! — торжественно вещает он. — Не военной техникой, ибо нерушимый барьер Асторы сильнее ее и выше понимания гоэмских инженеров; не числом бойцов — армии Голубой Веги, Арктура и Бугаса гораздо многочисленней; и уж тем более не ядерным оружием — ядерная бочка Желтых планет была куда как мощнее, светлая им память! Великая Гоэма страшна духом своих бойцов. Они — воины! Они исполнены ярости, они не ведают страха! Все мирные планеты дрожат при виде черного десанта Гоэмы, потому что все они — его лакомая и законная добыча! А еще... еще из века в век идут предания о том, что воины Гоэмы, величайшие духом, могут вызывать из неведомого мира энергетических симбиотов. Эти создания могучи сами по себе, а объединенная мощь гоэмского воина и симбиота имеет поистине космические масштабы! Именно так были сметены Желтые планеты... Симбиот, вызванный из иного мира, без слияния с носителем быстро угасает, но слияние грозит опасностью уже гоэмцу — тот рискует потерять контроль над силой и стать безумным демоном разрушения...

— Уголовники, — подвожу я итог. — Паразиты на теле мирных планет. А симбиоты ваши

— просто дурь, которую вы на себя нагоняете перед боем. Думаю, жрете дешевые наркотики. И вся ваша великая Гоэма наверняка паразитирует на каком-нибудь беззащитном обществе.

— Мы давно отделились от Асторы и существуем самостоятельно!

— А, так вот почему именно Гоэма с идиотским упрямством атакует рубежи Асторы! Кушать хочется?

— Санго Риот застывает.

— Я поклялся, — глухо говорит он, — никогда больше... не вызывать симбиота. Моей совести хватит груза Желтых планет... и твоей ненависти. Там погибли твои друзья? Желтоглазого Санго Риота больше не увидишь. И только поэтому останешься жив. Уж я бы ответил тебе! В прах-х-х-х!

И Санго Риот убывает. Опять тревога, опять бой в секторе седьмого заградотряда, опять Гоэма атакует рубежи Асторы.

Санго Риот отправился крушить своих земляков, мне тоже пора на работу, но перед уходом назначена еще одна встреча — и ее пропустить я никак не могу.

Степное плато, горный заповедник Асторы. Над алым полыханием маков, над изумрудными волнами трав летит вместе с теплым ветром моя любовь, моя душа, моя Астора — глазищи в

пол-лица, прозрачные крылья юности дрожат за спиной... Анико-сан, здравствуй!

Шаг пятый

Плоскость перехода мерцает. Значит, опять что-то случилось в глубинах Вселенной, и чуткая аппаратура нервничает. За переходом в вечном безмолвии застыли серые стволы. Полынные джунгли Голубой Веги — суровый мир, пропитанный ядовитыми испарениями деревьев. Я невольно проверяю, на месте ли защитный фильтр. Жители побережий считают, что запах полынных джунглей смертелен, но это не так. Будет сильно болеть голова — пока не притерпишься. Человека непросто вытравить! И здесь тоже живут люди. Горные охотничьи племена спускаются сюда для охраны своих дальних рубежей. Полынные джунгли — спасительный барьер между двумя смертельно враждующими расами планеты.

Я оглядываю себя в последний раз, проверяю, все ли в порядке. Конечно, все в порядке. Я уже профессионал войны.

Эк! Пружинистый ковер серой хвои беззвучно принимает меня. Горький запах джунглей прорывается даже сквозь фильтры, напоминая о детстве: глинистый обрыв реки, жара и заросли полыни, в которых мы строили тайные убежища...

Фиолетовые небеса Голубой Веги пронзительно сияют сквозь узорные кроны полынных деревьев. Чистое небо — это хорошо. На Арктуре, так сказать, предыдущем месте работы, чистые небеса были редкостью. Планета-город, этим все объясняется.

Я не люблю вспоминать Арктур. Арктур — моя неудача, боль и горечь потерь. Удирать оттуда пришлось так быстро, что не успел сказать друзьям «пока». И причина не в том, что там я опять столкнулся с черными наемниками, скорее наоборот. Орден динго — боевые псы справедливости вообще-то. В исконном своем, донине сохранившемся виде. Правда, основная масса — просто наемники. Наемники уже много веков. Но на Арктуре я столкнулся с древней, незамутненной ветвью учения — хотя бы в этом повезло. И поэтому сейчас на мне черный боевой костюм воина ордена динго. Он прост на вид, как и все в ордене. На самом деле костюм — это скафандр с непонятным принципом действия, но подозреваю, что он живой. Костюм защитит меня даже в космосе. И еще — костюм как-то сумел подружиться с поясом зёгэна, что наводит на определенные размышления об их общей природе. В каждом изгибе костюма — оружие. Оно тоже простое на вид, и это тоже иллюзия. И мой вид городского бродяги в чем-то потрепанном, в

меховых сапогах — это по жаре-то! — тоже обман. Я — пограничник Асторы, я разведчик, хотя теперь я прежде всего — воин ордена динго, воин справедливости. Но — хватит об этом. Как и любое вероучение, религия ордена — глубоко личное дело, посторонним туда ходу нет, да простит меня Санго Риот в своей нынешней ипостаси.

Тот, привычный мне Санго Риот закончил свою буйную жизнь единственно достойным для него способом — погиб в одном из боев, защищая рубежи Асторы. Но перед смертью он сделал очень рискованный и необычный поступок — вызвал симбиота и уступил ему свое тело! К убийцам пограничника жизнь после этого повернулась весьма неприятной стороной, если, конечно, так можно говорить о пыли, рассеянной по орбите... Я встречался с ним, желтоглазым Санго Риотом. Мы оба безмолвно решили, что тайна его происхождения должна оставаться тайной. Может, Асторе был нужен в новой жизни именно такой — жесткий, решительный, рациональный — Защитник. И Астора обрела такого Защитника, даже не подозревая об этом. Хотя Рона-сан, наверно, о чем-то догадывалась...

Новый Санго Риот взялся за Границу весьма жестко. Для меня он сделал то, что не догадался — или не захотел — сделать Санго Риот прежний. Он зачислил меня в Высшую разведшколу Границы,

прежде очень закрытое, очень элитарное учебное заведение. Для этого пришлось изменить правила приема, программу обучения, сменить руководство и практически всех преподавателей. Симбиот это проделал в один день, даже не задумавшись. Зато сейчас школа готовит настоящих разведчиков, способных пролезть в любую дыру, а не прежнюю изнеженную элиту, обретавшуюся при дипмиссиях и свалившую всю грязную работу на корпус наблюдателей. Я — выпускник новой разведшколы. Профессионал. Сейчас я могу позволить себе жить в Границе, а на Голубую Вегу ходить как на обычную работу — вроде как в командировки. Для этого у меня имеется личный нуль-переход. Я могу иметь в Границе все, что полагается высокооплачиваемому профессионалу. Собственно, остальные разведчики все это имеют, и на работу ходят, как банковские служащие — каждое утро, через личный нуль-переход. Да и работают они в комфорте звездных цивилизаций, а не на дикой, в общем-то, Голубой Веге. И я бы мог так же. Мне даже предлагали перед выпуском. Почему отказался? Может, потому, что помню, что такое чашка еды в корпусе наблюдателей. И что такое жизнь на моей несчастной, голодной родине. Может, потому, что считаю, что это и моя жизнь тоже. Или, может, потому, что я — воин ордена динго? Скорее всего все вместе и последнее в

особенности. Но это — очень личная, неоглашаемая часть моей жизни, и мой наставник, древний Болдуин, пусть так и остается для всех миров сказочной личностью.

В поселке охотников синие сумерки. Мальчишки бесшумно носятся между костров, воруют запеченные плоды сладкого дерева, дарующие ночную зоркость и спокойное сердце. Посвистывают стрелы — идет игра в войну с карабинерами. Девчонки играют в свое, но поглядывают с интересом. И все вместе они удирают от Буби, молодой жены вождя. Сумерки прячут их. Отчаявшись поймать сорванцов, Буби взывает к авторитетам. Вождь выходит из хижины, озирает темноту и рявкает. В поселке почтительное оцепенение.

— Кто победил? — вопрошает вождь.

Робкие фигурки воплощаются из темноты и докладывают.

— Молодцы! — царственно оценивает вождь. — Разрешаю горный поход. Достойны.

Собираются стрелы, поспешно доедается уворованное. Мыть ноги — и спать. Горный поход не шутка, если не выспишься — поплачешь кровавыми слезами. Вождь страшно занят, но мальчишек поведет сам, и будет играть с ними — за карабинеров. Он не так прост, как выглядит, этот вождь.